

Массовое сознание как фактор развития российского общества / П.П. Марченя, С.Ю. Разин, С.Р. Аблеев, Б.Х. Алимов, В.В. Бабашкин, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, С.Г. Кара-Мурза, И.О. Князький, А.Н. Курюкин, Л.П. Лычкань, Д.И. Люкшин, О.А. Матвейчев, В.И. Пантин, А.В. Чертищев; под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. – М.: Соционет, 2016. – 73 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://users4496447.socionet.ru/files/ms.pdf>

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сост. и ред.: П.П. Марченя, С.Ю. Разин

10 декабря 2015 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» в Москве на базе Московского института психоанализа состоялся круглый стол «Массовое сознание как фактор развития российского общества: неполитическое измерение политической истории России». Наряду с проектом «Народ и власть» и МИП организаторами «стола» выступили Московский экономический институт (МЭИ), Институт мировой экономики и информатизации (ИМЭИ) и Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ).

Участникам была предложена следующая примерная проблематика дискуссий «круглого стола»:

– *Массы и массовое сознание в дисциплинарных и междисциплинарных научных поисках: тенденции и результаты;*

– *«Век масс» («век толп») в отечественной и мировой истории: понятие и пределы;*

– *Сознание «массовое», «общественное», «групповое», «индивидуальное»: термины и действительность;*

– *Массы как объект и субъект исторического процесса;*

– *Массовое сознание как полигон, критерий и судья политической борьбы;*

- *Элиты и массы в контексте социальной идентичности;*
- *Архаика и современность в проявлениях «масс» и «массового»;*
- *Массы и массовое сознание как факторы системных кризисов («смут» и «революций»);*
- *Манипуляции массами и массовым сознанием: технологии и последствия;*
- *Политические идеологии и «исторические альтернативы»: элитарные проекты прошлого, настоящего и будущего через призму массового сознания;*
- *«Демократия» и «диктатура» как формы мобилизации масс;*
- *Империя как способ организации массового сознания;*
- *«Массовая политика» и «политика масс»: проблемы соотношения понятий и реалий;*
- *Массы и геополитика: массовое сознание на поле информационных (информационно-психологических и психоисторических) войн современности.*

В итоге, в дебатах «круглого стола» приняли участие 15 ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы 3 государств:

- *России (Казань, Москва, Нижний Новгород, Пенза);*
- *Беларуси (Минск);*
- *Таджикистана (Худжанд).*

В дискуссиях участвовали (*сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения «круглого стола», участники перечислены в алфавитном порядке*):

1. доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя **Сергей Рифатович Аблеев** (Россия, Москва);
2. кандидат исторических наук, доцент, заведующей кафедрой международных отношений Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики **Батуржон Хамитович Алимов** (Худжанд);

3. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ **Владимир Валентинович Бабашкин** (Россия, Москва);

4. доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН **Владимир Прохорович Булдаков** (Россия, Москва);

5. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского экономического государственного университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН **Олег Григорьевич Буховец** (Беларусь, Минск);

6. доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, член Союза писателей России **Сергей Георгиевич Кара-Мурза** (Россия, Москва);

7. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин МЭИ и ИМЭИ **Игорь Олегович Князький** (Россия, Москва);

8. кандидат политических наук, профессор Российской академии естествознания, старший научный сотрудник, ученый секретарь отдела анализа социально-политических процессов Института социологии РАН **Андрей Николаевич Курюкин** (Россия, Москва);

9. – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента МЭИ и ИМЭИ **Леонид Петрович Лычкань** (Россия, Москва);

10. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики и международных экономических отношений Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета **Дмитрий Иванович Люкшин** (Россия, Казань);

11. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История

постсоветской России» Историко-архивного института РГГУ; автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть» **Павел Петрович Марченя** (Россия, Москва);

12. кандидат философских наук, профессор школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» **Олег Анатольевич Матвейчев** (Россия, Москва);

13. доктор философских наук, заведующий отделом внутривнутриполитических процессов Института мировой экономики и международных отношений, главный научный сотрудник Института социологии РАН **Владимир Игоревич Пантин** (Россия, Москва);

14. проректор по воспитательной работе и связям с общественностью МЭИ, автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть» **Сергей Юрьевич Разин** (Россия, Москва);

15. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я Кикотя **Андрей Владимирович Чертищев** (Москва).

Предлагаем вашему вниманию материалы дискуссии, состоявшейся в ходе круглого стола «Массовое сознание как фактор развития российского общества: неполитическое измерение политической истории России» (текст публикуется впервые).

С.Ю. Разин: Добрый день, уважаемые коллеги! Я рад приветствовать вас на круглом столе «Массовое сознание как фактор развития российского общества: неполитическое измерение политической истории России». Как и почему возникла идея проведения этого «круглого стола»? Мы исходим из того, что необходимость осмысления и понимания периодически повторяющихся системных кризисов является одним из главных вызовов для правящего слоя и интеллектуального класса современной России. Сегодня,

в ситуации ведущейся против России перманентной информационной войны, изучение российских смут и революций стало исключительно значимой проблемой цивилизационной идентичности и социокультурного самоопределения. Совершенно очевидно, что без обретения понимания роли массового сознания невозможна расшифровка социокультурного механизма российских смут и революций.

П.П. Марченя: Уважаемые коллеги! Я хочу сказать, что мы искренне рады приветствовать и всех тех, кто пришел на наши «столы» впервые, и тем более тех, кто сегодня с нами уже не в первый раз. Если люди приходят снова и снова, то значит, есть какой-то смысл в этих мероприятиях.

По поводу проблематики и самого замысла добавлю несколько слов к тому, что уже сказал Сергей Юрьевич [Разин]. Как-то так получилось, что эта тема является одной из самых трудных в современном социально-гуманитарном знании (во всяком случае в России). Было время, когда она вообще просто ушла из проблемного поля академической науки. То есть термины, связанные с массовыми реалиями, такие как «век масс» и все прочие сопутствующие – это одни из самых популярных концептов на заре XX в., но позже по ряду причин они становятся совершенно непопулярными среди наших историков. Во-первых, в странах «победившего социализма» как бы уже считалось дурным тоном обращаться к теме масс, поскольку «массы» – это категория «смутного времени». Само собой подразумевалось, что они свою роль в революции уже сыграли – и теперь, когда страны идут к торжеству стабильного общества, где якобы уже не будет никаких оснований для новых смут и революций, соответствующие массовые реалии уже не являются приоритетом для науки. В западной науке сложились несколько иные обстоятельства. Начиная с неопозитивистской волны, в общем-то, термины «массы» и «массовое сознание» оказались скомпрометированы хотя бы в силу того, что их верификация крайне затруднительна, а значит и сами эти феномены не могут быть предметом для строгого научного изучения.

Конец XX в. и особенно начало XXI в. (вот то, что мы сейчас переживаем) убедительно показали, что «век масс» не закончился, что массовые реалии в истории не сгинули. Идет вал массовых протестных движений, идет волна революций – и искусственных, так называемых «оранжевых», и не только искусственных. Тем более, когда речь идет о массах, важно понимать, что даже при применении соответствующих технологий манипуляций и всех прочих «оранжевых» рецептур рано или поздно наступает момент, когда массы выходят из под контроля, когда вступают в действие другие механизмы, мягко выражаясь, не до конца изученные в современной науке. Поэтому тема эта очень актуальна.

Налицо, и особенно в отечественной науке, такой элитарный, элитистский перекося. Предполагается, что когда мы объясняем все происходящее в политической сфере: кто пришел к власти, кто власть покинул, какая партия победила, какая оказалась неудачницей в истории и т.д., – мы объясняем это через действия, поведение, поступки, программы элит, через власть, через интеллигенцию, через личности... В этом смысле историческая субъектность масс если не полностью отрицается, то уж во всяком случае ставится под сомнение. Более того, вот наш проект, который так и называется: «Народ и власть»... Мы сталкивались уже с этим (и продолжаем сталкиваться), что когда речь идет о неких вещах, связанных с поиском единства народа и власти, то у наших интеллектуальных элит, как правило, возникают такие две стандартные реакции: либо, если есть сомнения в искренности того, кто этим занимается, то значит он «проплаченный», он работает на власть, за ним стоят какие-то администрации, фонды, партии и прочее – это один вариант; если же нет сомнений в его искренности, то значит он просто такой недалекий «черносотенец», который якобы ничего не понимает в механизмах истории. Хотелось бы такое отношение переломить – и поставить вопрос иначе. Отсюда и те проблемы, которые мы предлагаем сегодня к обсуждению.

Массы и их сознание – это не просто полигон для политической борьбы тех или иных элитарных политических сил или площадка для самопрезентации

тех или иных исторических личностей. Массы – это главный критерий и верховный судья политической борьбы. И именно в массовом сознании, собственно говоря, и проходит конкурс так называемых исторических альтернатив. Решающее, последнее слово на самом деле, несмотря на все технологии и проекты элит, все равно за массами. В этом смысле именно массовое сознание – особенно в ситуациях (и мы именно это и выносим в центр обсуждения) системных кризисов (смут, революций, войн и прочих социальных катаклизмов) – и становится доминантным фактором политической истории. Когда идет «нормальное» историческое время, то собственно и такого феномена как «массы» нет, – массы дремлют, действуют классические социальные страты: классы, слои и т.д., – но не массы. А вот когда все эти устойчивые «перегородки» между классическими стратами разрушаются и происходит это аномальное «перемешивание» перед лицом вызовов настолько сильных, что общность психических переживаний превращает представителей самых разных «классов» и «слоев» в «массы», – вот тогда массы и выходят на историческую сцену. И вот тогда они становятся игроком «номер один». И вот тогда они и остаются фактически «один на один» с властью, потому что все остальные игроки по сравнению с этими – вторичны. То есть, остаются, по гамбургскому счету, только «власть и массы», происходит временная архаизация всей системы общественных отношений.

К этому слову («архаизация») – тоже, соответственно, такое скептическое, пренебрежительное отношение у элит. Но если мы вспомним, что имели в виду древние греки под «архе», то такие античные коннотации вполне применимы к осмыслению масс. «Массы» – это «архе», первооснова социального; это та структура, которая лежит в основе всех структур; это матрица, которая определяет сам коридор возможностей политической истории; это тот «волшебный квадрат», который возвращается к исходной канонической форме всякий раз, когда пытаются заменить какие-то наиболее значимые координаты; это «форма форм» – именно «матрица». И вот с этой точки зрения «массы» слабо осмыслены, плохо изучены.

Массовое сознание – это тот фактор (именно фактор, а не просто фон!), который не только является объектом приложения каких-то сил, а который сам является одним из основных субъектов современности. Соответственно, массы – как носитель этого особого сознания – выступают реально действующим актором истории, а не едва слышным хором на ее задворках. Для современной России эта тема сейчас сверхприоритетна, сверхактуальна. Потому что, так или иначе, судьба нашего государства решается в массовом сознании.

Когда говорят о том, что в революциях, смутах, войнах и т.д. преобладает «психопатология масс», то, на мой взгляд, опять-таки, и происходит этот самый «элитарный перекося». Патология кроется в действиях элит, а массы – они на эту патологию реагируют, это здоровая реакция. В этом смысле массы и массовое сознание можно сравнить с иммунными механизмами социального организма. Они вступают в действие тогда, когда появляются какие-то чужеродные агенты, – и надо реагировать, ради спасения социального целого.

Соответственно, если вот таким образом поставить проблемы, то на относительно привычные темы можно посмотреть по-другому. Я прошу также обратить особое внимание на вопрос нашей сегодняшней программы «Империя как форма организации массового сознания». Он имеет прямое отношение к современной России и к тому, чем мы занимаемся, потому что всякая «Империя» представляет собой прежде всего не форму организации территории, а форму организации массового сознания. Это специфическая форма единства власти и масс. Не поняв этого, нельзя говорить о России: ни о ее прошлом, ни о ее настоящем, ни о ее будущем.

В.П. Булдаков: Уважаемые коллеги, поскольку Павел Петрович уже почти всю теорию рассказал, то я начну с байки о том, как меня объявили «психоаналитиком» от социальной истории. Здесь, в Институте психоанализа, я не могу ее не пересказать – хотя бы из уважения к принимающей стороне. Несколько лет назад я вдруг обнаружил, что некоторые историки (и не только) относятся ко мне как-то подозрительно. Появляются публикации, авторы которых вкрадчиво намекают, что некоторые историки впадают в некий

постыдный для служителей Клио грех. Пришлось задуматься, поскольку я себе такой задачи не ставил.

Я довольно давно убедился, что историку революции удобнее всего придерживаться принципов так называемой новой культурной истории, которая успешно работала в последнее десятилетие прошлого уже века применительно к Французской революции. Что же такое «новая культурная история»? Она использует и семантику, и семиотику, и психоанализ, и историю телесности и т.п. – все это «пляшет» в известной степени от М. Фуко.

В революции действуют не только и не столько партии и классы, как принято считать, сколько нечто более аморфное, неуловимое и в то же время сильное и мощное. Массы, исходящие из чего угодно, но только не из тех или иных элитарных предписаний.

Кое-кому это очень не понравилось. Я не сразу понял, почему. Потом дошло: в политической истории все «ясно»: есть партии («наши» и «чужие»), есть проекты («правильные» и «неправильные»), есть лидеры («умные» и «глупые», «ответственные» и «авантюристичные»). В общем, как всегда, борются добро и зло. Примерно так воспринимали происходящие троглодиты в незапамятные времена. А тут приходит какой-то автор и вдруг говорит, что такой подход никуда не годится. Оказывается, кое-кого это страшно раздражает.

И вот однажды мои коллеги откопали в Интернете статью «Кто такие социальные историки». Ее автор, укрывшись за странноватым псевдонимом, попытался занять менторско-всезнающую позицию. Обругал троих историков, из коих больше всего досталось мне – «психоаналитику». Над текстом мы от души позабавились. Многовато мелкой, завистливой злобы было в нем! Решили, что таким способом решил напомнить о себе какой-то не востребовавшийся «провинциальный гений».

Не столь давно кто-то из коллег вновь наткнулся на эту статью и пояснил, что вовсе не забытый тьмутараканьский «эрудит», а вполне востребованный столичный «аналитик» таится за странноватым псевдонимом. Стало понятно,

в чем дело: человек считает себя «авторитетом», представителем «интеллектуальной истории». Он занимается элитами, знает, что только они достойны изучения, а тут лезут с какими-то непонятными массами. В «его истории» действуют разумные, выдающиеся интеллектуалы (которым можно всю жизнь подражать), а здесь мечутся какие-то толпы, оголтелая масса всевозможного дурачья. Ну не нравится это человеку, который отчаянно карабкается вверх, мечтая стать советником сильных мира сего.

История, как наука, далека от амбиций такого рода. В историю надо «вчитываться». Очень просто было бы изучать историю по позитивистским или неопозитивистским лекалам, если бы это не сопровождалось чередой больших конфузов. Был очень известный, действительно большой историк П.Н. Милюков. Написал «Очерки истории русской культуры». Классическая позитивистская работа. И быть бы ему корифеем на веки вечные, не ударься он в 1917 г. в политику, став министром иностранных дел Временного правительства. И тут же он заработал интересную «кликуху» – «гений бестактности». С Милюковым оказался связан не только «Апрельский кризис», который он, либерал, фактически спровоцировал, подтолкнув сторонников большевиков. Еще до этого он, вольно или невольно, подтолкнул Февральскую революцию. Ну, а весной 1918 г. последовал очередной его кульбит: все российские антибольшевистские силы ориентировались на Антанту, а Павел Николаевич вдруг заявил, что следует делать ставку на Германию – на исторического врага. Это «не оценили» в своей же кадетской партии.

Наконец, этот же человек, рассуждая в эмиграции о русской революции, не смог придумать ничего лучшего, как вспомнить о теории «масонского заговора». Кажется невероятным, но вот этот самый замшелый миф масонский взял, да и реанимировал не кто иной, как убежденный позитивист – так «понятнее»! Но, как известно, иная простота – хуже воровства. Однако сейчас именно вариациями этого мифа усердно пользуются наши политики – кто как может. Это делается почти на официальном государственном уровне. И им, между прочим, усердно стараются помочь ненавистники социальной истории.

К чему я это говорю? Непонимание того, чем живут, чем дышат массы, и приводит к тому, что российская власть периодически рушится. Вслед за тем и происходят «провалы» в конспирологию, когда оживают самые дикие предрассудки. Именно это мы и наблюдаем сегодня.

На чем основывается конспирология? На старом, как мир, взгляде из пещеры: весь чужой внешний мир враждебен, он населен нечистой силой, всюду враги. Вообще-то такой взгляд приводит к страшным явлениям и в *современном* мире... Павел Петрович [Марченя] об этом говорил, но не упомянул в связи с этим еще один важнейший фактор Новейшего времени: скачки стихийной – параноидальной – агрессивности, от наплывов которой не застрахованы и «цивилизованные» сообщества, связаны с характерными демографическими подвижками. В условиях демографического бума, стихийных миграций, неупорядоченной урбанизации уровень агрессивности социальной среды резко возрастает. Если к этому добавляется информационная революция, может произойти нечто чудовищное.

Ну, все это убедительно, начиная с Ф. Ницше, описано. В общем, незримая аккумуляция человеческой агрессивности, происходящая в течение десятилетий «спокойной» жизни, рано или поздно даст о себе знать. Этого упорно не хотят замечать известно рода авторы. Возьмем простой пример, связанный со 110-летием революции 1905 г. К известному феномену порой как-то странно подходят – видят в этом только политический процесс, действия тех или иных политических партий... Это поразительно. А вообще была ли эта аграрная в своей основе революция по-настоящему партийной? В упоении «партийной» историей 1905 г. некоторые авторы словно забыли о том, что было и Октябрьское вооруженное восстание. И чем оно было вызвано? И почему ему предшествовала целая серия еврейских погромов? Вышел Манифест 17 октября – и буквально на следующий день по всей черте оседлости и даже за ее пределами прокатились еврейские погромы. Случившееся по-разному можно интерпретировать: кое-где началось с верноподданнических демонстраций, кое-где погромы спровоцировали еврейские боевики. Но неужели череда погромов

происходила под руководством каких-либо политических партий? Сомнительно, что за стихией ожесточения могли угнаться даже черносотенцы. Между прочим, нечто подобное было и после убийства Александра II. Убили «Царя-Освободителя». Кто? Конечно чужие, конечно евреи! И тогда так же последовала череда еврейских погромов, правда, не столь трагичных.

Случай не уникальный. Нечто подобное было ранее, и даже не в России... Представьте себе: Османская Империя, первая половина XIX в. Там тоже решили модернизироваться, объявив заодно политику веротерпимости. И вновь подтвердилось, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Как известно, империи выстраивают определенные духовные иерархии, а тут было объявлено, что все конфессии равны. В результате мусульмане стали резать христиан.

Ход истории определяется вовсе не тем, что мы различаем своим высокомерным «просвещенным» взглядом. Довольно безотрадно познавать то, во что не хочется верить. И до тех пор, пока люди не осознают всей болезненности исторического самосознания, их будут подстерегать масштабные трагические явления. А пока этот процесс продолжается. Собственно, поэтому и нужен психоанализ.

Что хочется в связи с этим напомнить: история сама по себе не несет внутренних законов, понятий, концепций и, тем более, этических критериев, но она содержит в себе некий набор стандартных ситуаций, связанных с человеческой психикой, подобных тем, о которых я говорил. Эти стандартные ситуации рано или поздно дают о себе знать. Наши современные политики (я имею в виду не только российских) этого не хотят понять. Им помогают услужливые «аналитики». От незнания некоторых элементарных законов Клио современный мир постоянно трясет.

Как говорил один мой хороший знакомый (очень известный философ): «Российская история рифмуется». Я ему говорю: «Ну, вообще-то и всемирная история, в известной степени, рифмуется». Он соглашается: «Да, наверное. Но российская история в особенности». Я отвечаю: «Правильно. И это потому, что

мы все еще живем в империи патерналистского типа; наше сознание, мягко говоря, инфантилизировано». С другой стороны, мы слишком эмоциональны, а потому особенно подвержены воздействию исторических психозов. А, между прочим, о повторяемости в истории знал еще Фукидид. К сожалению, вместо Фукидида у нас принято вспоминать о всяких очередных новейших ученых теориях. Однако, как правило, обилие теорий не только ума не добавляет, но и погружает в свое рода ментальную спячку.

Эмоции забивают разум. Современная конспирология основывается, с одной стороны, на истерии, с другой – на паранойе. В конечном счете, она просто «мозги сушит» – человек перестает соображать. К сожалению, это единственное в чем мы к настоящему времени достигли «прогресса». Такая ситуация опасна. И не только для историографии.

С. Жилин (*студент ИМЭИ*): Владимир Прохорович, Вы сказали, что масонство – это миф и выдумка. Вы считаете, что это действительно миф и выдумка?

В.П. Булдаков: Я вам скажу так: конечно, масоны были... Я вам даже так посоветую – будете в Петербурге, зайдите в Александро-Невскую Лавру...

С. Жилин: Да, там есть этот масонский треугольник...

В.П. Булдаков: Не там, где Ф.М. Достоевский похоронен, а слева... На могилах множество масонских знаков. В начале XIX в. наша бюрократическая элита почти вся «обмасонилась». И А.С. Пушкина туда затащили, и у него факелы на могиле. Понимаете... Но это была игра своего рода – игра в «просвещенность».

С. Жилин: Но они же и сейчас существуют.

В.П. Булдаков: Быть заметным в истории – не значит оказывать на нее *решающее* воздействие. Пора отказаться от историографической паранойи. Что касается русского масонства, то оно носило по преимуществу пародийно-подражательный характер, а в Русской «Красной смуте» оказалось бесполезной тенью Великой французской революции. Западные историки смеются над

нашими конспирологами: «Как можно поверить в то, что тридцать человек смогли все перевернуть»!

С. Жилин: О них никто ничего не знает, но...

В.П. Булдаков: Мы говорим о массах. Даже в качестве «запала» для революции масоны не годились. Эту роль в некоторой степени (очень незначительной в Феврале 1917 г.) выполняли партии. А что касается масонов, то до них так никто и не докопался. Вероятно, реальных масонов легенда об их тайном могуществе вполне устраивала. И сейчас, как говорят, масоны есть. Для кого-то и поныне это привлекательная игра. Мало ли чего на свете не бывает. Но причем здесь история как наука?

С.Ю. Разин: Владимир Прохорович, у меня к вам вот какой вопрос. Хорошо известные вам Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов писали о том, что российское общество – общество властечцентричное. Вот есть российская власть как некий моносубъект отечественной истории... Скажите, пожалуйста, вот как вам кажется: в смуте начала XX в., в нынешнем состоянии российского общества, которое многими исследователями, и в том числе и вами, рассматривается как Смута, – вот в эти кризисные времена отношение к власти в российском массовом сознании меняется? Есть какие-то константы или нет?

В.П. Булдаков: Вы знаете, есть какая-то дурная закономерность. Власть притягивает всякого человека в силу его «зависимой» природы. И, конечно, к власти особенно тянутся социально несвободные существа. Так, в начале Первой мировой войны к царской власти моментально потянулись почти все, Николай II, которого до этого не очень любили (я имею в виду элиту), предстал потенциальным «защитником» от мировой напасти. Но патерналистские представления амбивалентны. Слабой фигуре была уготована прямо противоположная роль. В итоге едва ли не все отшатнулись от такого носителя такой власти. Она оказалась в полной изоляции. В тех условиях смахнуть ее, сдуть – никакого труда уже не составляло. Некоторые считают, что она просто рухнула сама собой, выгорев изнутри. Никакой революции не нужно было,

даже подталкивать не пришлось. Оставалось только поплясать на ее костях. Отсюда и самовозвышающие легенды о «победоносной» революции.

Когда в России рейтинг правителя зашкаливает, не стоит радоваться. Напротив, возникает ситуация непредсказуемости. Что дальше будет? Я точно знаю только то, что в нынешних политических верхах ни в какую «многопартийность», ни, тем более, в «демократию» не верят. Там откровенно говорят: «Власть моносубъектна – мы только ширма». Это произносят не только циники, есть, наверное, среди них и идеалисты. Но те, кто поумнее, поциничнее – они считают именно так. Вот такая, на мой взгляд, история с моносубъектностью российской власти. Многопартийность западного образца никак у нас не складывается. Это уже предстало какой-то закономерностью.

С.Ю. Разин: У меня по поводу рейтингов такая в голове сейчас родилась аналогия... Сегодня рейтинг Президента зашкаливает за 80% (ну это то, что публикуют)...

В.П. Булдаков: Это на самом деле так. Даже больше. И в этом нет ничего удивительного. Повторяю, у нас представления о существующей власти крайне амбивалентны.

С.Ю. Разин: Мне сейчас вспомнились цифры явки на выборы в позднем Советском Союзе. Помните, там все время явка составляла 99,9%...

В.П. Булдаков: Я в избирательной комиссии сидел, считал голоса... Так и было. Это был ритуал, в котором люди соревновались в верноподданничестве. На всякий случай...

С.Ю. Разин: 99,9%. Все проголосовали за блок коммунистов и беспартийных. И где сейчас Советский Союз и где блок коммунистов и беспартийных?..

С.Г. Кара-Мурза: Массовое сознание – понятие расплывчатое, полезно его уточнить в разных контекстах. Предлагаю такие подходы.

1. «Массовое сознание» – метафора. Она обозначает систему, в которой немного сознания, оно под слоями психики. Сильны чувства, вера, догмы и стереотипы, воображение и грезы наяву. Все это в массе не обрабатывается

рефлексией и по расчету, многое не осознается, а в итоге преобладает иррациональность. В основном она полезна или не вредна, как инстинкт, но при кризисах культуры люди глотают много ядов, сознания не хватает для защиты. Вот афоризм из канона: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Это значит, что идея воздействует не только на разум, но и на всю духовную сферу людей. Харизма идеи: то благодать, а то гибель. За XX в. мы насмотрелись, но это наша социология и история игнорирует, хотя сейчас у нас с этим неладно. Гоголь и Достоевский на нас смотрят. В общем, «массовое сознание» – сложный комплекс, и мы, говоря о нем, держим его в «черном ящике». Обычно говорят о суждениях людей или их поведении и действиях. При этом часто говорят вовсе не о «массах», а каких-то общностях, которых возводят в статус «массы», а то и «народа».

2. Понятие «масса» мы унаследовали от советской риторики. Инерция велика, но теперь термин «масса» не годится. Советское общество сначала было скреплено *механической* солидарностью – большинство людей по образу жизни, культуре и мировоззрению были близки. Масса жила в состоянии «надклассового единства трудящихся». Все были трудящимися, выполнявшими великий проект. У массы была общая картины мира (ядро сознания). Это общество было похоже на религиозное братство. Но с 1960-х гг. быстро шел переход от механической солидарности к органической – индустриализация, город, образование расщепили массу на множество сообществ – все со своим инакомыслием. Это был неизбежный сдвиг, вызванный новым этапом развития СССР. Требовалось плавное формирование *органической* солидарности с гибридизацией или сосуществованием с механической солидарностью, не допуская вакуума в сфере солидарности. Но официальная идеология с этим распадом не справилась, научного обществоведения не было, а старики сошли со сцены. Взрывное возникновение множества групп с разными когнитивными структурами и ценностями создало для политической системы ситуацию *невозможности* пересобрать новое население в общество – старая машина КПСС не могла ни понять сдвиг, ни предвидеть следствий, ни выработать

новую доктрину. Появились влиятельные общности, которые вызрели и произвели перестройку. «Анτισоветский марксизм» в среде шестидесятников сыграл свою роль в 1970–1980-е гг. – дал идеологию, «похожую на науку», дал многим группам язык и стиль. Обществоведы-«шестидесятники» оказывали большое воздействие на интеллигенцию – через образование, СМИ и систему идеологической учебы. Через эти каналы большая часть интеллигенции сдвинулась к «недоброжелательному инакомыслию», а через личное общение с интеллигенцией эти настроения усвоили широкие массы трудящихся. При этом ни интеллигенция, ни другие общности и не думали разрушать СССР. Хотели как лучше! Часть гуманитарной интеллигенции, близкая к власти и имевшая поддержку Запада, заняла позицию конфронтации с большинством распавшегося общества. Этот конфликт в 1980-е гг. перерос во внутреннюю холодную информационно-психологическую войну, а потом и в экономическую. Большинство, без организации и под идеологическим давлением, потерпело поражение. Так у большинства «массы» населения сложилось синкретическое сознание (ризомы или, грубо, каша). В социологию ввели (Ж.Т. Тощенко) термины «кентавризм» и «парадоксальный человек» – в сознании людей совмещаются несовместимые идеи и ценности. Думаю, аналогия с кентавром сильно упрощает образ современного гражданина России. Если вообразить, что над Россией воюют фантомы сознания общностей россиян, то окажется, что идет не только «война всех против всех», но и части сознания каждого воина воюют друг с другом. Конечно, это война не тотальная, пласты здравого смысла и культуры выживания восстановили шунтирующие, временные структуры механической солидарности в большинстве общностей, особенно в обедневшей половине населения. Эти структуры соединяют *общности* в рыхлое, но *общество*. И это общество – не масса, а система, элементы которой – социокультурные группы и общности.

3. Чтобы рассуждать о сознании массы, надо хотя бы грубо составить карту составляющих массу общностей. Насколько они велики, каковы их главные интересы и ценности, и каковы их «подпольные» чаяния. Куда они

двигаются? Какова динамика изменений? Надо этот предмет определить в пространстве и времени. Это требует нескольких приближений: сначала представить только грубый скелет этой карты, а потом уже добавлять мазки для того, чтобы создать исследование. Эта работа даст нам нить исследования. На эту нить можно нанизывать наши гипотезы и экспертные оценки. Все равно будет очень большая неопределенность, но лучше грубое представление, чем никакого. Грубое обычно бывает правильным, оно лучше, чем россыпь отшлифованных точек.

Сто лет назад ситуация для такого исследования была гораздо лучше. Мы тогда были на восходящей ветви культуры – поэзия, музыка, театр Серебряного века служили симптомами. «Сгустки» сознания выражались в образах будущего, вокруг которых шла сборка общностей. Все они выложили свои кредо: анархисты и монархисты, консерваторы и либералы, эсеры и меньшевики, и большевики, преодолевшие марксизм и двинули «харизматическую инновацию» (М. Вебер) – обойти капитализм посредством революции рабочих и крестьян. Но главный массив «суждений сознания масс» дали указы и приговоры общинных сельских сходов в 1905–1907 гг. Крестьяне составляли 85% населения – и в 100% этих наказов было требование национализации земли. Вот выражение механической солидарности.

А вот показатель понимания сознания масс: накануне Февраля в партии большевиков было около 10 тыс. человек, на порядок меньше, чем меньшевиков и эсеров. В конце февраля, выйдя из подполья, 125 организаций большевиков насчитывали 24 тыс. членов – в Петрограде 2 тыс., в Москве 600. В июле в партии были уже 240 тыс., к октябрю 350 тыс. – большевики стали самой большой партией в России.

Каково сегодня состояние нашей «массы»? Во-первых, произошли дезинтеграция общества и народа, распад системы коммуникаций и ядра когнитивной системы большинства общностей. Соответственно, рухнули привычные общественные институты и нормы бытия – произошел распад

профессиональных общностей и социальных групп. Мало-мальски собраны госаппарат, общность новых собственников и преступный мир.

Население получило тяжелую культурную травму – левые, правые, богатые, бедные и т.д. Они погружены в аномию. Они знают, что есть какие-то нормы, законы, нравственность, но они их не выполняют, все. Эта культурная травма привела к откату к иррациональности. Сильнее всего подорвано именно рациональное мышление. Люди не могут составить длинные умозаключения. Люди привязаны к телевидению и к Интернету. Оба эти инструмента работают на понижение мышления. Идет интервенция уголовной культуры в открытую культуру. Это аномальное состояние: язык, логика, образы, символы входят в обыденное сознание из преступного мира. В массовом сознании господствует хаос, а в нем островки порядка. Эти маленькие островки размываются, исчезают, возникают другие. Основа их сознания составлено из остатков советского мировоззрения, досоветских традиций, суеверий и мессианских утопий. Эти инструменты могут быть средством выживания в кризисе, но не движения. Никакого проекта из этих остатков нельзя составить – и даже нельзя договориться.

Особое общее состояние сознания масс – это возмущение и всем тем, что они видят вокруг, и прошлым. В отличие от середины нулевых годов, когда это возмущение охватило примерно 70%, а «победители были довольны, то сейчас и они тоже возмущены, но другими вещами. В настроении выделяется предчувствие больших угроз – какая-то катастрофа маячит в тумане. Этот фактор является условием стабилизации общества, но страхами. За кого люди хватаются как за соломинку? За власть.

Шансов на изменение пока что не видно. Требуется изучать реалии современного общества, а у нас нет сейчас обществоведения с мало-мальски научным подходом. Мы все утонули в суеде фантомов и в битвах призраков. Если бы хотело государство, оно могло бы заставить вернуться на землю, хотя бы в небольших группах. Для этого государство должно начать диалог с

массой. Но с ней никто не говорит, кроме телевидения и «ищущих человека» собеседников социальных сетей.

Для внушение оптимизма время от времени оглашают стратегические доктрины – как в 1990-х гг., так и сейчас: «Стратегия – 2020», «Стратегия – 2030»... Они не адекватны состоянию ни страны, ни массы, ни остатков общества. Все не понимают, но чувствуют, что эти стратегии – путь в никуда.

Пока что, кажется, прочности нашей массы с ее стойкостью, терпением и опытом хватит еще на несколько кризисов. Эти навыки переживания катастрофы или бедствия стали актуальны. Надо бы эти знания и умения систематизировать и ввести в образование, но вряд ли Минобрнауки этим займется, его не для этого поставили.

Конечно, можно надеяться на новые поколения. У них нет инфантилизма советского человека, который так легко все сдал, и нет уже иллюзии, что их примут в общеевропейский дом – знают, что никто их там не ждет. Они хотят жить, а чтобы жить, им придется рационально и жестко мыслить и трудиться. Тогда мы вылезем... Но с большими потерями.

В.П. Булдаков: Сергей Георгиевич, я вас правильно понял: все рухнуло в 1990-е гг., а до этого все было вроде как нормально?

С.Г. Кара-Мурза: «Нормально» – нельзя сказать. Кризис, конечно, вызревал с середины 1950-х гг., но, во всяком случае, этот кризис был контролируемый до этого времени, а потом нарыв взорвался. Не то, что открылся, а взорвался. И стали добивать то, что от порядка осталось.

В.П. Булдаков: Вы знаете, я почти с вами согласен, но я как-то по-другому на себе что ли это прочувствовал, поскольку сдавал и «Историю КПСС», и «Научный коммунизм». Были такие дисциплины. Так вот, было ощущение такое, что вся эта идеология тогдашняя просто в схоластику какую-то превратилась, причем в гнилую схоластику. То, что все это рухнуло в 1990-е гг., – это вовсе не удивительно, это закономерно. Этого не могло не случиться. Система сама себя подвела вот к этому краху. Подобное уже случалось сто с лишним лет назад.

С.Г. Кара-Мурза: У вас такое представление. Вы же историк, а я химик.

В.П. Булдаков: Да, это я знаю. И это заметно.

С.Г. Кара-Мурза: Я не учил вашей идеологии, которой вы там мозги промывали все время.

В.П. Булдаков: Я не промывал. Я не преподавал почти...

С.Г. Кара-Мурза: Как же вы тогда смогли пролезть «наверх»?

В.П. Булдаков: Я и не знал, что вскарабкался, по вашим представлениям, «наверх». Своим делом занимался.

С.Р. Аблеев: Сергей Георгиевич, вопрос был задан в отношении 1990-х гг. Но было очевидно, что политическая элита тех времен, мягко говоря, не очень понимала состояние масс, потому что деструкция Советского Союза была неожиданной. А как вы думаете (с точки зрения вашей концепции), насколько адекватно сейчас политические лидеры, политическая элита понимают российскую массу? Сейчас все вроде бы нормально: народ, что называется, терпит эти все события, не очень приятные и позитивные, – и кризис, и давление геополитическое. А велика ли прочность?

С.Г. Кара-Мурза: Велика ли прочность? Пока что есть. Надо поражаться, что мы уже 30 лет это тянем. Вот этот потенциал и эти навыки переживания катастрофы или бедствия – они стали актуализированы. Власть тоже, примерно так же, как и население, имеет вот этот самый потенциал. Поэтому, я считаю, что мы вылезем... Но с большими потерями...

П.П. Марченя: Сергей Георгиевич, я тоже хотел спросить по поводу сравнения того, что происходит сейчас, с тем, что происходило около века назад, – и о чем вы замечательно писали. Ведь тогда, во времена революции, Гражданской войны и всех прочих катаклизмов, тоже же все те негативные вещи, которые вы перечисляли, имели место быть: островки здравого смысла размывались этим самым океаном социального безумия, интервенция уголовной культуры происходила и т.д. Но из всех этих угроз и вызовов Россия вышла крепче, чем была. Это не помешало нам провести индустриализацию, одержать победу в Мировой войне, выйти в космос и т.д. Почему тогда сейчас –

в общем-то, к внешне аналогичным параметрам, вы подходите так пессимистично, с каким-то неверием в будущее России. Вот о советской цивилизации вы очень хорошо писали. Что вы сейчас думаете о российской цивилизации в постсоветские времена? Ваш прогноз?

С.Г. Кара-Мурза: Ну, во-первых, я как раз оптимистически смотрю. Я считаю, что мы вылезем. Но сто лет назад ситуация была гораздо лучше. Мы тогда были на восходящей ветви культуры. Возьмите хотя бы поэзию, музыку, театр Серебряного века. Вот на этом и революция прошла – и после этого была индустриализация, война... Да и вся масса наша была организована. Она была в общинах. Это было не болото. В каждой деревне был коллектив, можно сказать, отряд. Сейчас этого нет. Сейчас произошла дезинтеграция всех наших систем. Мировоззренческая основа советского строя (М. Вебер называл это «общинный крестьянский коммунизм» – вот что было) у нас иссякла к 1950-м гг., потому что была промышленность, урбанизация и т.д. Новой основы старые поколения не создали. Поскольку у нас еще действительно нет (как не было в Российской империи, так и в советское время) научного обществоведения, то без него мы можем сейчас продержаться только на здравом смысле и на опыте. Но этого очень мало. Этого недостаточно. Вот поэтому, конечно, мы большие очень потери несем. Мы очень много ошибок делаем. Очень много. Возьмите Украину... Ну и т.д.

П.П. Марченя: Тогда на какой же основе мы сейчас «вылезем»?

С.Г. Кара-Мурза: Пока что только на новые поколения надежда... Возьмите, например, сегодняшних студентов (не знаю, как в Москве, но в областях...). Они все понимают... У них нет инфантилизма советского человека, который так легко сдал все вообще – все свое, и нет уже утопии, иллюзии, что нас примут в общеевропейский дом, что у нас будет, пусть похуже, но Запад. Они знают, что это невозможно. Они знают, что никто их там не ждет. Они знают, что им надо понять и узнать, как же все это устроено – и что можно сделать. Они рационально и жестко мыслят, эти ребята-студенты. С ними

можно уже надеяться на будущее. Они хотят жить, а чтобы жить, им придется потрудиться.

О.А. Матвейчев: Всех приветствую. Для того чтобы была какая-то интрига, надо выступить и с противоположным мнением, потому что все рассказывают о «великих массах», которые что-то значат, которые что-то делают. Я поэтому свое выступление категорически и полемически заострил, и полностью бы не согласился со всеми предыдущими ораторами, – и тоже начал бы я с притчи. По образованию я философ и занимался такими философами как Хайдеггер, Гегель, Кант, Аристотель... То есть, это настолько высокая философия, которая любит говорить о судьбе бытия, о забвении там многотысячелетнем, как Хайдеггер писал, об эпохах мировых, которые длятся тысячелетиями, как Шеллинг писал, о народном духе, как говорил Гегель. Все это было интересно изучать – и сейчас я это люблю все почитать, но поскольку в 1990-е гг. мы все «попали», и кушать очень хотелось, то я занимался тем, что подрабатывал то социологом, то разносчиком листовок, то бригадиром агитаторов, то еще кем-то. И постепенно дорос до человека, который занимается выборными компаниями и с тех пор в течение 25 лет работал в президентских штабах, при этом, естественно, не оставляя научную деятельность и преподавание.

Так вот, первая же моя самостоятельная выборная компания была очень трудной. Потому что, собственно говоря, ни один из маститых и опытных политтехнологов на нее не соглашался. Когда мы приехали к нашему заказчику, мэру города, то у него был рейтинг минус 54%. То есть, его ненавидели 54% населения. Поэтому все, кто приезжал к нему, они сразу это понимали, делали социологическое исследование – и говорили: «Ну, извините, нам репутация дороже, все равно мы не выиграем, и до свидания». А мне пришлось за это браться, потому что нужны были деньги: ребенок, семья, жилья не было, комнатка маленькая в общежитии. Нужно было за это браться, нужно было как-то зарабатывать, да еще и выиграть. Так вот, через полтора

месяца 54% населения проголосовали за этого человека. Это к вопросу о субъектности массового сознания.

Потом я уже участвовал точно так же в выборах десятков других людей и понимаю, какими инструментами это все делается. Работает это точно так же, как вот как этот айпад, как любой механизм, как врач, который знает, что если он сейчас поставит укол именно с таким лекарством, то давление поднимется на столько-то или уменьшится на столько-то. Это все отработано. Точно так же и здесь. Ты точно знаешь, сколько нужно каких газет, листовок, какой информации... – с таким лекарством или с другим «поставить» вот этой массе, чтобы у нее поднялось давление, «взорвалось», чтобы она вышла на улицы или, наоборот, успокоилась. Все это технические, инженерные вопросы для всех политтехнологов.

Потом я участвовал в выборах губернатора. Абсолютно аналогичная ситуация. В мае месяце его партия набирает на выборах 9% и проигрывает конкуренту все и вся, а в сентябре весь народ голосует за этого губернатора. Как с 9% до 60% он вдруг стал? Ну, я могу рассказать как. Это будет отдельная книга о том, как это получилось.

Точно так же в масштабах всей страны. Мы знаем, что Б.Н. Ельцин с его 8% при помощи американских технологов дотянул почти до 50%. Некоторые говорят, что выиграл Г.А. Зюганов, но если и выиграл Зюганов, то на 5% там может быть что-то и подмешали. Но с 8% до 40% или до 45% толкнуть – не так просто.

И точно так же, когда я знаю все эти механизмы, и знаю, что они работают и как они работают, я прекрасно понимаю, что сделали с Советским Союзом. Не от кризиса он умер и т.д. Понимаете, Советский Союз это был, грубо говоря, больной гриппом человек. Не раком, не смертельно больной, а гриппом был больной в лучшем случае. Ну, может быть, радикулитом еще был болен. Но когда эго больного и старого в этом смысле еще тыкали ножами и всем остальным, то это было настоящее убийство.

В Китае, например, который аналогичную ситуацию проходил, – там была «перестройка» не хуже, чем у нас. Абсолютно не хуже. И книги писались про то, что у нас китайская революция, и фильмы показывались, и гласность была объявлена, и массы выходили на улицу миллионами (причем действительно миллионами), и на полицию нападали, и ситуация с этой площадью Тяньаньмэнь была точно такая же, как с нашим путчем в 1991 г. Только Китай все-таки сумел вырваться из этой ситуации и из своего кризиса, все-таки пошел на подъем, а мы пошли вниз благодаря гораздо большему воздействию. Америка могла на нас воздействовать вполне себе, владея всей ситуацией, и собственно они об этом писали в своих книгах, некоторые из которых даже переведены на русский язык. Они ничего не скрывали, и писали, как они действовали и что делали. Китай для них слишком большая, полуторомиллиардная страна. Там и денег нужно было много, и все остальное, и поэтому они не смогли там ситуацию «дожать» и довести до логического конца – и с элитой в том числе.

Американцы прекрасно владеют этими технологиями. В значительной степени мы у них учились, но много чего уже и придумали сами – и где-то даже работаем лучше. Собственно говоря, американцам много и не нужно. Для них мир, Евразия – это шахматная доска. Для них достаточно хаоса везде. Устраивать революции достаточно и, в принципе, нет никакого желания, может быть, дальше это каким-то образом превращать в какой-то позитив. Потому что революции, в принципе, и хаос по всему миру – их и так категорически устраивает. У них будет инвестиционный климат прекрасный, у них будет все хорошо. В этом смысле, они научились это делать.

Вот мы говорим про менталитеты масс, про массовое сознание – послушайте, какая-то это все... Что общего есть между Тунисом и Украиной? Или Молдавией и Казахстаном? И всеми остальными другими странами, где произошли эти революции? Языки другие, традиции другие, образ жизни абсолютно отличается – там пустыня, тут виноградники, там православие, тут арабы, мусульманство... Ну все отличается! Но делается все за три месяца, по

одним и тем же лекалам, – как нужно, по одному щелчку, и даже цена – абсолютно понятно, сколько стоит. Вот если бы меня попросили посчитать, сколько стоит революция на Украине, то я бы все посчитал, потому что это все считанные вещи – знаешь, сколько стоит каждый шприц, каждое лекарство, каждая бутылочка, которую нужно применить к данному пациенту. Я бы вам сказал, что именно примерно за 10 лет она обойдется в 5 миллиардов. Не в 6, не в 4 (это точная наука), а именно в 5 миллиардов. Что, собственно говоря, потом наши американские «партнеры», как говорит Владимир Владимирович, потом и озвучили. 5 миллиардов они потратили на революцию на Украине. Действительно, 5 миллиардов. Потому что это столько стоит. Они это все умеют делать – и так далее.

Что случилось с нами? Мы в 1990-е гг. стали объектом их манипуляций. Абсолютным объектом! Мы в этом ни в чем не разбирались, мы этого ничего не умели. Мы были все вот этой массой, в том числе наша власть и государство, которую они как хотели, так и кололи, что хотели с нами, то и делали.

Потом рыба начала выздоравливать с головы. Возникает В.В. Путин, возникает дальнейшая ситуация. Люди, может где-то интуитивно, начинают противодействовать тем вещам, которыми на них воздействуют извне. Путин – не специалист в политических технологиях, но он видел воздействие, которое осуществляется, и просто начал постепенно удалять тех или иных людей, которые принимали те или иные решения, вредящие государству. Постепенно это дошло до журналистов, постепенно дошло до массового сознания. Этот процесс был очень долгий. Даже для того, чтобы уволить правительство М.М. Касьянова, понадобилось ему чуть ли не четыре года. А удалить других людей – еще дольше. До смерти Ельцина он практически был связан огромным количеством обязательств. Только после смерти Ельцина он мог, более или менее, начать действовать. И постепенно вот это ощущение стало проходить, и можно было уже самим определенные вещи делать.

Какие-то разговоры про моноэтничную нашу власть и т.д. ... Я все западные страны многократно посетил и общался там со специалистами и т.д.

Конечно, я скажу, что вот эти разговоры, что у нас тут какие-то декоративные партии, а у них там настоящие – ну, это просто для детей. На самом деле, конечно, у них абсолютно декоративные партии. Все, что у них есть, – это полный симулякр и абсолютная декорация. И там все элиты сконцентрированы гораздо в большей степени, нежели у нас. Они, конечно, никакие не масоны. Понятно, что все эти разговоры про масонов – это действительно клоунада. Это элиты с определенными политическими, экономическими и идеологическими интересами. Когда говорят, что банкиры какие-то правят миром, то это тоже все не верно. Банкиры финансируют определенные вопросы, но все-таки это определенные идеологические проекты, которые там присутствуют, определенное видение будущего. Соответственно, есть философы, «властители умов», которые владеют умами этих элит и направляют миллиардные капиталы на уже технологии – и на изменение мира.

Поэтому управляемость там в тысячи раз превышает управляемость у нас. У нас в этом смысле одна сплошная демократия, потому что наша власть в этом вопросе больше такой ученик, больше увалень, больше делает на здравом смысле, но здравый смысл такой крестьянский все-таки помогает как минимум, по крайней мере, в ручном управлении, избавляться от чужеродных влияний. А как только чужеродных влияний не впрыскивается к нам, яд к нам не поступает, то здоровый организм просто сам по себе начинает выздоравливать и становиться лучше. Ограничения, которые власть делает на эти впрыски и влияния – они нормальные, ну и плюс применяются определенные технологические вещи, которые тоже, в свою очередь, более или менее работают и действуют.

В заключение, хочу отметить, что то совершенство, которого достигли США во влиянии на наши массы всевозможные во всем мире, – это одна история.

Упрекают нашу власть в том, что она не влияет. Вот почему мы на Украине не повлияли, еще что-то не сделали? Здесь есть несколько причин: с одной стороны, это действительно неумение и неопытность нашей власти в

этих вопросах. Когда у тебя в руках нет вот этого мастерства, когда ты сам ни разу гайку какую-то не точил, тебе трудно подойти к станку и сказать, что я ее сейчас выточу, потому что ты можешь ошибиться, можешь наделать что-то не так и руки себе оторвать вообще. Поэтому нужно медленно и постепенно тренироваться в этих вопросах. Во-вторых, собственно говоря, нет стратегической цели. Это именно традиции англосаксонской дипломатии состоят в том, чтобы ссорить, разделять и властвовать, ссорить народы между собой на великом евразийском континенте: убивать царей, переметные письма подкидывать, рассказывать о том, что этот замышляет против тебя и тот замышляет против тебя, натравливать богатых на бедных и бедных на богатых, людей разных национальностей и религий друг на друга и т.д. Все это вполне для них понятно: если ты живешь на острове, то для тебя все остальные – это шахматная доска и твоя задача состоит в том, чтобы они не объединились. Потому что если они объединятся, то тогда – «нам конец».

Такой проект был у Наполеона – и он, кстати, уговорил нашего императора Павла на этот проект, за что Павел поплатился головой. Дальше Наполеон принудил Александра I, который начал вести проанглийскую политику, в свою очередь, к продолжению этой политики, к блокаде Англии. Но он ее всячески нарушал. Это и было формальным поводом нападения Наполеона на Россию. Проект был именно такой, и он был в значительной мере правильный.

Надо сказать, что различные геополитики говорили, что Евразия должна объединиться. Только в этом смысле у Евразии есть шанс на какую-то возможную победу над этими нашими «коллегами».

Наша задача – развивать эти инструменты воздействия на историю и управлять ей. Понятно, что это вещи такого видимого горизонта, то есть я не отрицаю какие-то огромные закономерности в истории. Я сейчас говорю о тех практических горизонтных вещах, которые поддаются влиянию. Если мы будем отрицать практическое влияние на историю и говорить о том, что все кругом –

хаос, то зачем существуют государства, политики, вообще все мы? И давайте все сядем – и ничего не будем делать.

В.П. Булдаков: Олег Анатольевич, если я вас правильно понял, то, по вашему мнению, американцы – это люди опытные, проницательные, дальше некуда. У меня в результате общения с ними сложилось впечатление, что более наивных людей вообще в природе не существует. Если, например, взять те сюжеты, которыми я по преимуществу занимаюсь, могу определенно сказать, что хуже всех Русскую революцию поняли именно американцы. Они в ней вообще ничего не поняли. Исключений немного.

О.А. Матвейчев: Вы не с теми американцами общаетесь. Понимаете, 90% представляют собой абсолютные «овощи» – в этом я с вами согласен. Они в подметки не годятся любому нашему человеку или европейцу. Но есть определенная элита, которая все прекрасно понимает и все знает.

В.П. Булдаков: Я как раз общался с такой элитой. Что я хочу вам в связи с этим сказать? Интересно встретить философа, убежденного, что хвост может вилять собакой. У вас те же масоны вылезают, только в другом облики. Что касается американцев, то не кажется ли вам, что все их искусство заключается в том, что они умеют убеждать и делать вид, что они добивались и добиваются нужного результата всегда и везде. Попросту говоря, умеют запудрить мозги. В общем, традиция Голливуда работает. Не кажется ли вам так?

О.А. Матвейчев: Понимаете, все, что я говорю сейчас, – это не кабинетные измышления потому, что я прочитал десять книг и решил написать одиннадцатую. Все, что я говорю, – это моя практика. Если я говорю про масонов, то я это говорю потому, что я с ними сидел за одним столом и разговаривал, что в России, что в Швейцарии, что в Америке. Если я говорю про всевозможных людей, которые принимают определенные решения и осуществляют проекты на протяжении нескольких лет, то мы вместе сидим и осуществляем иногда эти проекты, а иногда я просто знаю, как они это делают. Это практика. Все это берется из практики. То есть, это не вопрос дискуссии о том, есть это или нет. Это тогда можно просто сказать, что я шизофреник, и что

эти люди мне приснились. Те люди, которые говорили пять лет назад, что они создают такой-то проект, начинают его делать – и потом через пять лет он становится фактом массового сознания.

В.П. Булдаков: А вам не приходило в голову, что люди имеют обыкновение заниматься самообманом? Включая самых рафинированных интеллектуалов? И что самообман затягивает. Не приходило в голову? Человечество занимается этим очень давно. Если угодно, это его видовое отличие.

О.А. Матвейчев: Я не знаю, вот, допустим, я утром проснулся и думаю: «Хочу выпить пачку кефира». Подхожу к холодильнику, открываю пачку, выпиваю кефир, чувствую, что он у меня в животе появился, а вы мне приходите и говорите: «Слушайте это все совпадение, это самообман. То, что ты хотел, и то, что у тебя кефир в животе появился, это просто так совпало, а ты себя обманываешь». То, что вы мне сейчас говорите, я воспринимаю примерно так.

В.П. Булдаков: То что вы сказали – это дешевый, примитивный, давно используемый трюк (насчет кефира и прочее). Не надо проблему так заземлять. И практика – она вовсе не та, о которой вы говорите. По проекту ничего не было сделано в истории в чистом виде. История состоит из цепи заблуждений и бесконечных совершенных ошибок. Конечно, людям ограниченным трудно в этом сознаться.

О.А. Матвейчев: Безусловно. Я мог идти к этому холодильнику – и упасть по пути, и еще что-то сделать. Ошибок много, проекты конкурируют в истории, один проект мешает другому и т.д. Но это не отрицает, что эти проекты работают, что они инженерным образом воздействуют... Естественно, что есть конкуренция разных проектов.

В.П. Булдаков: Из изобилия проектов, из их конкуренции обычно получается всеобщая дурь. Что мы проходили – и имеем, кстати сказать, сегодня.

П.П. Марченя: Мне кажется, что смешивать в одну кучу политическую субъектность электората, вот эту сиюминутную какую-то избирательную активность толпы и историческую субъектность именно масс и массового сознания – это, мягко выражаясь, некорректно. И соответственно: ну хорошо: вот потратили там те же самые «всесильные» Соединенные Штаты с их «великими» политическими технологиями немалые миллиарды для того, чтобы произошли конкретные события в Ираке, в Ливии, в Сирии... Ну и что, Ближний Восток стал американским? Технологии сработали? Получилось контролировать те массовые процессы, которые там сейчас происходят? Да как бы ни так!

А вопрос у меня к вам следующий: сколько вам потребуется миллиардов для того, чтобы российские массы вдруг приняли наконец американскую цивилизацию и стали чувствовать себя частью вот этой вот ее массовой культуры? Сейчас любые ток-шоу, которые у нас происходят, если там вдруг речь идет о каких-то массовых голосованиях, о «голосе масс», то они всегда заканчиваются с огромным перевесом в пользу тех, кто выступает за советское прошлое, за советский проект, за свою родную цивилизацию, а не за ту чужую, которую навязывают нам на протяжении последних двух-трех десятилетий, – несмотря на все потраченные на борьбу с этой массовой исторической памятью западные миллиарды.

О.А. Матвейчев: У вас было три вопроса одновременно. Первый вопрос: короткие компании и длинные большие дистанции. Проекты могут быть очень длинными. Ну, кстати говоря, столетними они быть не могут по определенным причинам, но, скажем, в 30–50 лет они вполне могут задумываться и вполне могут осуществляться. Поэтому может сложиться иллюзия, что это получилось само собой. Например, та же самая история с нынешней Украиной – это вполне нормальное отделение Украины от России, которое осуществлялось – и осуществлялось определенными субъектами – на протяжении всех 1990–2000-х гг. планомерным образом. Определенные институты там работали, которые с этим связаны, соответствующие люди, – и все это делалось по одним планам,

по определенным лекалам делалось. Поэтому это не то что вот там какие-то политехнологии взяли и в 2004 и в 2011 гг. раз – и быстро сделали Майдан.

Что касается американцев, которые чего-то там не добились. Еще раз говорю, что у американцев эта смена парадигмы произошла в последние 15–20 лет. Написаны книги на эту тему американцами о том, что они перешли от теории «управления порядком» к «управлению хаосом». То есть, им и не нужен там порядок и мифическая подконтрольность территорий, чтобы в Ираке сидел некий диктатор, который бы исполнял решения Вашингтонского обкома. Им и нужен хаос, который сейчас там и есть. Это то, что их сейчас категорически устраивает. А нефть они там прекрасно качают. Например, в той же Ливии они прекрасно работают. Так же, как и другие.

Если говорить о российских массах, которые двигаются в левую сторону. Действительно, эта закономерность есть, и она неспроста возникла тоже. Но не потому, что есть партия КПРФ, которая продвигает это, или какие-то олигархи, которые стоят за этим. Это результат ошибок и неумения нашей власти. То есть, делаются определенные проекты, но делаются с технологическими ошибками и переборами. Эффект этих ошибок приводит к тому, что, грубо говоря, неопытный водитель, заворачивая влево, может сильно дать крен вправо. Вот именно накопленность этих ошибок привела к тому, что этот левый тренд обозначился. Более того, я скажу, что власть не знает, что с ним делать, и не умеет с ним работать. Для нее эта ситуация технологически тяжелая и, скорее всего, она этот тренд проиграет, то есть она не сможет с ним справиться. На будущих выборах в Государственную Думу в 2016 г. мы, скорее всего, увидим победу левых сил. Именно потому, что власть этот тренд, во-первых, пропустила и, во-вторых, сейчас будет отыгрывать его на том уровне, как она умеет, как она это видит: начнет еще одну попытку «десталинизации» (что сработает против нее), попытку реставрации каких-то либеральных сил (что тоже сработает против нее). Короче говоря, любая попытка против ветра идти сейчас сработает против власти – и левые силы существенно укрепятся. Но это, еще раз скажу, от неумения руководить. Будь там более опытные люди, более

искушенные в этих вопросах, то этот левый тренд можно было скорректировать, но не в сторону, естественно, либерального тренда, а в сторону, скажем, определенного имперского центризма.

П.П. Марченя: Значит, все-таки саму сторону-то и вектор движения задают массы?

О.А. Матвейчев: Нет, это не массы задают. Массы здесь ничего не задают. Еще раз говорю, это просто ошибки, издержки инженерного управления.

П.П. Марченя: Вы сами говорите, что вполне определенные массовые процессы происходят не благодаря проектам, а вопреки проектам. А массы движутся туда, куда движутся массы.

О.А. Матвейчев: Нет, это не вопреки. То есть, если вы применяете не то лекарство, то организм на него отреагирует, безусловно, соответствующим образом. Но ошибка то ваша, что вы взяли чуть-чуть не то лекарство. Оно, в принципе, вроде и подействовало, человеку легче стало, но у него возникло осложнение, как у больного. Вот сейчас как раз мы имеем дело именно с этим осложнением. Но это вовсе не субъектность, это именно осложнение.

П.П. Марченя: Если уж использовать вашу аналогию, то могу сказать, что никакие лекарства не помогут вам вырастить то, что чуждо организму.

О.А. Матвейчев: Никто и не выращивает. Наоборот, задача любой нормальной, истинной власти (я сейчас говорю не про иллюзию о том, что вся власть ворует) состоит в том, чтобы организм оставался максимально здоровым. Потому что власть – это мозг и нервная система организма.

П.П. Марченя: То есть, задача власти действовать адекватно массам?

О.А. Матвейчев: Нет, нет. Не адекватно массам. Я же сказал, чтобы массы действовали адекватно власти. Вот точно так же как ваше тело адекватно действует по отношению к вашему мозгу, вот точно так же ситуация обстоит с властью и массами. Не надо путать эти вещи. Мозг и нервная система – это власть, а массы – это тело. Вы хотите, чтобы мозг был подчинен телу? Но это

чистый материализм, извините. Я считаю, что лучше, когда тело подчинено мозгу.

В.П. Булдаков: Лучше то лучше, но не получается. Извините, Олег Анатольевич, но вам не кажется, что само словосочетание «управляемый хаос» – это чистейший оксюморон. Хаос неуправляем по определению. Здесь действуют синергетические процессы.

О.А. Матвейчев: В Гугле есть книги, которые так и называются – «Управление хаосом». Там целые толстые книги, в которых пишут, как это делать. И я, кстати, вам могу объяснить, как это делать.

В.П. Булдаков: Много толстых книг существует в мире. Их становится все больше и больше. Это какой-то круговорот «учености». Ну и что из этого? Кто-то их читает, а кто-то не читает.

О.А. Матвейчев: Конечно, ваше право, читать или не читать. Но можно их не только читать, но и применять на практике.

В.П. Булдаков: Не надо ссылаться на толстые книги.

О.А. Матвейчев: А на что ссылаться в данном случае?

В.П. Булдаков: На собственные мозги!

О.А. Матвейчев: На собственные мозги и ссылаюсь. Вот я занимался тем, что управлял хаосом, создавал революционные ситуации на заводах в городах, а потом этот пар, который возникал, выплескивал в определенное, нужное мне русло. Это называется «управление хаосом». Вот я это делал собственными руками. На что мне еще сослаться?

В.П. Булдаков: А не преувеличиваете ли вы значение собственного «управленческого» опыта?

О.А. Матвейчев: Или опять скажете, что это была моя иллюзия?

В.П. Булдаков: Конечно! Я бы добавил: иллюзия, смешная своей претенциозностью.

С.Ю. Разин: У меня есть личный опыт участия в избирательных кампаниях. Так вот, этот опыт развеял всякие мои иллюзии по поводу итогов избирательных компаний, по поводу перспектив демократии в России и т.д. Я

могу сказать, что на уровне мелких административных единиц все эти так называемые новомодные «политтехнологии» зачастую сводятся к элементарному, тупому применению административного ресурса. В результате этого мы получаем так называемые «результаты выборов», берем эти «результаты» за некие тренды – и создаем у себя иллюзию, что мы чем-то управляем и что-то можем делать. Власть, таким образом, сама себя загоняет в опасный мираж, в опасную иллюзию, в рамках которой она и живет. Она живет в рамках придуманных цифр и придуманных показателей.

О.А. Матвейчев: Не надо считать власть глупее себя. Власть прекрасно знает, если она ставит задачу кого-то куда-то загнать и дать какую-то цифру, какими методами это делается. Раз она ставит задачу, то она понимает прекрасно, что и на каком этапе можно сделать. То есть, реально людей посчитают, скажут: а вы придите там в районе – и они придут, потому что у них есть допуск определенный. А вот на определенном этапе при определенном ракурсе, который власть тоже замеряет, она знает, что такой приказ давать нельзя, потому что если ты его дашь, то люди восстанут против тебя и пойдут в другую сторону. Власть знает, когда можно гнать людей кнутом, а когда пряником, а когда еще другими способами: любовью, обещаниями и т.д. Власть себя не обманывает. Он прекрасно знает, кто какими методами работает: что в Татарстане, что в Башкирии, что в кавказских республиках и много где еще. Поэтому никакого самообмана нет. Там, где можно сэкономить на политтехнологиях, там действует тупой административный ресурс. Но это именно потому, что происходит экономия средств.

С.Ю. Разин: Только почему-то действует он практически везде. Там, где есть политтехнологи, – и там, где их нет.

Следующий момент: Павел Петрович спрашивал вас об отношении к советскому проекту. Нынешние левые силы имеют «тридцать третье» отношение к советскому проекту. К сожалению, нет сегодня в России такой политической силы, которая была бы носителем новой идеологии, адекватной сегодняшнему дню и задачам вывода страны из системного

кризиса. Левые силы, безусловно, такой идеологией не обладают. КПРФ – это такая же часть системы. Ну, недаром ее относят к системной оппозиции. То есть она часть системы – и вполне комфортно в этой системе себя чувствует, и ничего с этой системой делать не собирается.

В.И. Пантин. Я с моими коллегами занимаюсь исследованием массового сознания, а также изменений идентичности в современном мире, и должен сказать, что массовое сознание – это очень серьезный предмет, который развивается по своим собственным законам в соответствии с традициями, ценностями, обычаями и нормами, присущими данной цивилизации. Печально известное выражение «пипл все схавает» на деле глубоко неверно: люди примут далеко не все и не всех. При общении с политтехнологами и с людьми, приближенными к политической элите, мне неоднократно доводилось слышать утверждения о всемогуществе политтехнологий, правящих элит, которые могут сделать все что угодно с массами и массовым сознанием. По-видимому, это убеждение политтехнологов невозможно или чрезвычайно трудно изменить, так как они мыслят главным образом в терминах избирательных кампаний и «электората», то есть весьма кратковременными и конъюнктурными категориями. Между тем любая избирательная кампания – это существенный, но отнюдь не самый важный элемент политического процесса. Здесь приводился пример избирательной кампании Б.Н. Ельцина в 1996 г., как его рейтинг сильно вырос к моменту выборов. Ну и что? Посмотрим, что случилось дальше. Уже через два года, в 1998 г., произошел дефолт и глубочайший кризис всей политической системы, из которого удалось выйти с большим трудом путем привлечения к власти столь нелюбимого Ельциным Е.М. Примакова. Еще через полтора года Ельцин вынужден был досрочно уйти от власти – и не только по причине болезни, а прежде всего из-за общей неспособности управлять страной и общего кризиса всего политического и экономического курса. Фундаментальные исторические и политические процессы, связанные с массовым сознанием и его динамикой, не обманешь никакими рейтингами и никакими PR-кампаниями. При этом нельзя отрицать, что современные

технологии позволяют на некоторое время оглуплять массы людей и манипулировать общественным сознанием, воздействовать на их идентичность, переписывая историю и искажая систему образования. Но пробуждение рано или поздно все равно происходит. Поэтому не стоит заикливаться на элитах и политтехнологиях.

Еще один пример приводился с «управляемым хаосом» и англосаксонскими элитами, с успехами этих элит в Ираке, Ливии, откуда они качают нефть. Нефть-то они качают (хотя в эпоху сланцевой нефти не совсем понятно, зачем нужно ее качать из Ливии), а тем временем внутри своих собственных стран эти элиты «просмотрели» самые важные, фундаментальные процессы, которые угрожают их глобальному могуществу. Во-первых, демография практически необратима: доля белого населения в США составляет, по разным данным, или чуть более, или чуть менее 50% всего населения, а это чревато глубоким расколом общества и реальной угрозой распада страны. Во-вторых, глубокий раскол американского общества уже налицо, и он все время возрастает: противостояние Д. Трампа и Х. Клинтон – только один из признаков этого раскола. Другим признаком является зашкаливающее, соизмеримое только с эпохой «Великой депрессии» 1930-х гг. имущественное и социальное неравенство, которое вызывает многочисленные конфликты на бытовом, расовом и ином уровне (в 1940–1980-е гг. такого вопиющего неравенства не было из-за реформ Ф. Рузвельта). В-третьих, в США происходит «перепроизводство элит», то есть огромное количество людей рвется в экономическую и политическую элиту, а американское общество не может их содержать даже при всем неслыханном богатстве США. В-четвертых, налицо перенапряжение и нестабильность всей мировой финансовой системы, на которой держится могущество США. И так далее. В Соединенном Королевстве, которое после Brexit грозит стать разьединенным Королевством, обостряются свои проблемы, и главная из них – инокультурная миграция, огромное количество людей, которые не способны интегрироваться в британское общество. И дело здесь не в отдельных ошибках политтехнологов

или правящих элит, а в долговременных исторических процессах. В этой связи, на мой взгляд, России не стоит переоценивать успехи англосаксонских элит и тем более подстраиваться под них, «ложиться» под их политику «управляемого хаоса», в том числе хаоса в их собственных странах.

Теперь о российском массовом сознании и о российской идентичности. Как показывают многочисленные исследования, в частности, опросы общественного мнения, российское массовое сознание пережило шок в конце 1980–1990-х гг., но в целом осталось именно российским массовым сознанием со своими ценностями, стереотипами и отношением к власти. Существует целый ряд позиций и ценностей, по которым, согласно массовым опросам, подавляющее большинство россиян выражают согласие или единство. Среди этих ценностей следует отметить такие как *Семья, Порядок, Государство, Особый (незападный) путь развития*. Так, согласно многочисленным всероссийским опросам, проведенным различными службами изучения общественного мнения, на протяжении 1990–2000-х гг. ценность (или идеологема) *Порядка* стабильно является наиболее важной для 70–85% опрошенных. В этот же период сторонниками Особого (незападного) пути развития стабильно были и остаются 60–70% российских граждан.

Обращают внимание также незаслуженно игнорируемые многими аналитиками весьма впечатляющие данные опросов о том, ощущают ли себя свободными в нашем обществе россияне. Данные этих опросов, которые проводятся Левада-Центром (к слову сказать самой либеральной, но квалифицированной службой изучения общественного мнения в России) с 1991 г. и по настоящее время, позволяют судить о весьма своеобразной и показательной динамике настроений в российском обществе. В 1991 г. 43% опрошенных россиян ощущали себя свободными в нашем обществе, а 45% – не ощущали себя таковыми (остальные затруднялись с ответом). В 1996 г. только 33% опрошенных ощущали себя свободными, а 53% – нет. В 2000 г. уже 53% ощущали себя свободными, а 41% – нет. В 2014 г. произошел новый скачок: 69% опрошенных россиян ощущали себя свободными и только 22% – нет.

В 2015 г. это соотношение чуть уменьшилось, но почти в пределах погрешности измерений: 66% чувствовали себя свободными и 26% – нет (за 2016 г. данных пока что нет). Таким образом, так называемый принятый в международных исследованиях «индекс ощущения свободы» (разница между долей ощущающих себя свободными в России и не ощущающих себя таковыми) в 1991 г. составлял минус 2%, в 1996 г. – минус 20% (!), в 2000 г. – плюс 13%, в 2014 г. – плюс 47% и в 2015 г. – плюс 40%.

Иными словами, сколько бы ни говорили жителям России о том, что они свободны, в 1991 г. и на протяжении всех 1990-х гг. большая часть россиян была с этим не согласна. Положение начало меняться только в 2000 г. и особенно после 2014 г., когда Россия продемонстрировала свою независимую и свободную от давления Запада внешнюю политику. Именно тогда изменилось и самочувствие россиян. Более того, развернутая в западных СМИ антироссийская информационно-пропагандистская война, торгово-экономические, финансовые и политические санкции западных стран в отношении России, а также открытая демонстрация военной силы странами НАТО у российских границ вызывают совсем не то воздействие, на которое рассчитывают элиты западных государств. Вместо утраты поддержки населением российской власти (прежде всего Президента РФ), напротив, происходит, усиление ее поддержки, консолидация большинства общества и рост антизападных настроений. Происходит это во многом потому, что, как и в прежние критические периоды истории России, большинство российского населения и даже значительная часть российской элиты предпочитает сплотиться перед угрозой со стороны внешнего врага. Об этом свидетельствует вся история России, которая была полна нашествиями с Запада или с Востока, и так или иначе воздействует на массовое российское сознание и сегодня. В то же время экономический кризис и антисоциальная политика финансово-экономического блока правительства оказывает влияние на массовое сознание, но запаса терпения все же еще хватает и, скорее всего, его хватит еще на 1–2 года. Однако, если экономическую и социальную политику не изменить, то

после 2018 г. в российском обществе могут начаться серьезные конфликты и потрясения, в том числе очередные «смуты».

И, наконец, последнее, но весьма важное соображение о российской идентичности и ее связи с массовым сознанием. Дело в том, что в мире сейчас идет «битва идентичностей», и в этой битве пощады не дают никому. Выигрывают те государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную и политическую силу. Государства, слабые в этом отношении, вынуждены лишь наблюдать, как их национальные идентичности растворяются в процессах глобализации. Соответственно, массовое сознание населения таких государств превращается в объект манипулирования со стороны других стран, как это произошло с прибалтийскими странами и отчасти с Украиной. Вот почему так важна политика укрепления российской национально-государственной (исторически во многом имперской) идентичности, которая должна осуществляться через систему образования, историческую память, информационную политику (СМИ), литературу, искусство (особенно кинематограф). Пока что Россия и российское общество здесь явно «не дорабатывает», особенно это касается молодого поколения, которое во многом воспитывается на голливудских фильмах, рекламе и представлениях о «сладкой жизни» на Западе. К сожалению, уничижительное отношение к России как к «Рашке» достаточно широко распространено среди молодежи, и это подрывает и основы российской идентичности, и уважение к собственной стране. Поэтому пассивно надеяться на молодое поколение нельзя, нужно с ним много и упорно работать.

С.Р. Аблеев: Я занимаюсь не столько общественными проблемами, а больше теорией сознания на стыке разных наук (больше философии), но проблемы массового сознания тоже мне близки. Поэтому меня сюда коллеги позвали и дали слово. Хотел бы отметить, прежде всего, очень удачный формат нашего «круглого стола» в том смысле, что здесь присутствуют специалисты разного профиля: и историки, и философы, и психологи... На мой взгляд, это очень удачно. Не всегда, может быть, мы друг друга понимаем, потому что есть

какие-то свои акценты, какие-то углы зрения, но, все-таки, сознание – это такая штука, которую невозможно изучать с одной какой-то стороны. Нельзя это отдать на откуп только психологам или (если речь идет о массовом сознании) историкам.

Само обращение к теме массового сознания и массовой культуры имеет, на мой взгляд, крайне важное значение, потому что XX в., как известно, стал «веком масс». Массы выходят на историческую арену, они становятся силой, они решают судьбу государств. Именно поэтому появляется острая проблема влияния на массы и на массовое сознание. Особенно это усиливается тем, что XX в. – это переход многих стран к демократическому режиму, в том числе и стран бывшего социалистического лагеря. Если это демократия, то это означает участие масс в управлении государством. Все это опять усиливает тему влияния на массы (в нужную сторону или в ненужную...).

Именно поэтому начинают развиваться технологии управления массовым сознанием, о чем некоторые коллеги говорили и писали уже давно. Я думаю, что эта тема еще не разработана до конца. Здесь есть чем еще заниматься, есть что исследовать и что использовать на практике.

Хотелось бы подчеркнуть одну важную мысль, которая, может быть, до сих пор еще не осознана до конца. Она состоит в том, что массовое сознание не просто существует как некий феномен, как некая абстрактная категория. Оно всегда является (и в прошлом, и сейчас) объектом целенаправленного влияния со стороны различных сил (культурных, политических и т.д.). Вот сейчас наш коллега говорил о политтехнологиях и был уверен в том, что можно массовое сознание развернуть в любую сторону с помощью этих технологий. Конечно, не все с ним согласны. Все, на самом деле, сложнее. Но законы управления, тем не менее, существуют. Мы же понимаем, что события на Ближнем Востоке, на Украине происходят не просто так, не в силу каких-то стихийных факторов, а это попытка, не всегда удачная (об этом тоже справедливо говорили), но все-таки попытка управления массовым сознанием.

Такие усилия сейчас прилагаются и к российскому массовому сознанию. Нам казалось, на заре наших демократических реформ, что мы ведем равный диалог, что мы – субъекты этого диалога с нашими, как сейчас модно говорить, «партнерами» с Запада. Но оказалось, что во многих случаях мы вовсе не субъекты, а объекты этого диалога. Нами пытаются управлять – и делают это иногда очень успешно.

Здесь нужно обратить внимание, например, на попытки изменения традиционной семьи. Нам навязывают совершенно другую семью. Мне кажется странным и даже диким что наши политические лидеры, находясь где-то в Европе, например на крупном международном форуме, должны как-то неловко извиняться за то, что в России не очень развита так называемая «нетрадиционная семья». Наоборот, это есть наше достоинство.

Негативное отношение к российской политической власти нам тоже пытаются внедрить, подорвать наше доверие к власти. Пытаются столкнуть различные национальные и религиозные группы. В России очень сложная этноконфессиональная картина – двести этнических групп. Если мы допустим подобный дисбаланс, то, конечно, мало никому не покажется.

Пытаются разложить нашу систему духовных ценностей, которая, конечно, изменилась за советскую эпоху и за годы реформ, но, тем не менее, она существует и не позволяет нам до сих пор рассыпаться как единому целому – единой стране и единому народу. Именно поэтому очень важно видеть маскируемые попытки влияния на массовое сознание и на массовую культуру – и, в конечном счете, уже начать активно этому противодействовать и давать отпор. Если мы в этом будем неуспешны, если это влияние со стороны будет очень сильным, то я боюсь, что у нас в недалеком будущем возникнут очень большие трудности.

Тем не менее, хочется с оптимизмом смотреть в будущее – и события последних двух лет, все-таки, говорят о том, что наше массовое сознание начинает меняться и осознавать всю сложность текущего момента.

А.Н. Курюкин: Я здесь представляю Отдел анализа социально-политических процессов Института социологии РАН. На протяжении последних трех лет тема изучения общественного сознания является профильной темой государственного задания для нашего отдела.

В этом году в фокусе нашей работы был вопрос, который был нами вынесен на Федеральный круглый стол в рамках VII Политологического конгресса, – это плюрализм сознания и проблема политической консолидации общества. Путем длительных обсуждений на нашем постоянно действующем семинаре, путем заочных обсуждений с коллегами, путем разговоров и обсуждений, дискуссий на этом «круглом столе», который прошел совершенно недавно (20 ноября 2015 г.), мы пришли к выводу, что в сущности, если говорить применительно к вопросу консолидации общества, в массовом сознании имеются, наверно, две такие большие парадигмы (при понимании парадигмы не как подхода, а как примера или образца поведения) – это парадигма мобилизации и парадигма стабилизации. То есть это те две основы, на которых может возникнуть общественная консолидация.

Парадигма мобилизации нам всем достаточно хорошо известна из много раз упомянутого здесь советского прошлого («Всем миром, всем народом, все землей!», «Дадим отпор агрессору!», «Пошлем Гагарина в космос!» и т.д. и т.п.). Парадигма стабилизации нам, в принципе, известна меньше. Но она как раз классическим образом иллюстрируется обществами современной Западной Европы (США – это совершенно отдельный разговор, и на эту тему я говорить сейчас не буду). Так вот, именно там консолидация общества строится на основе парадигмы стабилизации. Там ради поддержания общественной стабильности, ради поддержания того общественного, политического, правового (мне это ближе, так как я занимаюсь вопросами правосознания) порядка (именно вот той самой стабильности) все общество консолидируется.

При этом необходимо учитывать, что эти две парадигмы антитезами не являются. Они выходят на передний план по мере необходимости.

На сегодняшний день, если говорить об управлении массовым сознанием, то чаще всего средством управления им, средством консолидации общества выступает парадигма мобилизации. Мобилизовываться мы можем либо за что-то (пример – это мобилизация и консолидация общества вокруг личности и деятельности В.В. Путина по вопросу Крыма: да, решили исторический вопрос, наконец-то все вошло в свои берега – так и должно было быть), либо, соответственно, мы консолидируемся против чего-либо.

Если говорить об Америке, то чаще всего американские средства и инструментальные комплексы управления массовым сознанием строятся на классической бихевиористской модели «стимул–реакция». Вот эта модель реализуется чаще всего именно в мобилизационной парадигме. Как простимулировать общество, чтобы реакцией стала мобилизация, консолидация и более того необходимая, нужная стимулятору (притом что это живой человек либо группа лиц, а не инструмент какой-то) совокупность поведенческих актов и поступков?

Сегодня, на мой взгляд, идентичные попытки проводятся и отечественной политической властью. То есть, мы присоединили Крым, против нас начались санкции, поэтому: они все против нас и давайте мы будем собираться в кучку, давать отпор, переживать трудности все вместе – все равно выживем, все равно все будет нормально. Может быть.

Здесь уже много говорилось о Советском Союзе. И почему я здесь об этом сейчас упоминаю? Потому что начинает, так скажем, прорастать очень опасная тенденция. Советский Союз жил на мобилизационной парадигме, на мобилизации практически с момента своего возникновения: «Большевики должны взять власть!». Для этого необходимо мобилизовать все общество, организовать победное шествие Советской власти по всей стране до самых до окраин, после этого нужно было провести индустриализацию и коллективизацию, победить в Великой Отечественной войне, восстановить сельское хозяйство, бороться с заокеанскими идеологическими противниками и т.д.

Можно очень много говорить о том, когда начался кризис Советского Союза. Здесь у людей есть самые разные представления: кто-то говорит – с брежневских времен, кто-то говорит – намного раньше, кто-то говорит – перелом произошел при Н.С. Хрущеве, кто-то говорит о М.С. Горбачеве и т.д. Но у меня здесь, в ракурсе тех исследований, которые мы проводим, вывод только один-единственный: в состоянии мобилизации жить долго невозможно. В результате Советский Союз, по сути дела, в чем-то сломался. На момент конца брежневской эпохи (1978–1980 гг.) военная промышленность Советского Союза работала в три смены, то есть 24 часа работали военные заводы (практически все подразделения без исключения).

Сегодня мы видим начальную фазу, первые ростки вот такой же мобилизационной модели, которую где-то жестко, а где-то мягко пытается реализовать наша современная российская власть. У нас возник «Общественный Народный фронт», мы противодействуем западным державам в ракурсе того, что против нас введены санкции. Речь идет уже о том, что если в Сирии начнется наземная операция, то 9 против 1 что, в конечном итоге, российский спецназ столкнется с американским спецназом (если этого еще не произошло). Мы не знаем, на сегодняшний день, кто, кроме российских морских пехотинцев и местных «игиловцев», местных бандитов-радикалов искал наших пилотов – и кто прорывался практически с боем к месту падения самолета. Констатировано, что было несколько групп, отлично вооруженных и обмундированных. Без знаков различия. Обмундирование не представляло возможности их идентифицировать. Можно же идентифицировать, где там французы, где англичане, где немцы, где американцы. Там есть у каждого признаки. Кто это был? На сегодняшний день это неизвестно.

В сложившихся условиях, можно констатировать одну, достаточно важную вещь: я, наверное, не поддержу окончательно и бесповоротно Олега Анатольевича [Матвейчева]: спонтанность действий отрицать нельзя. Но, тем не менее, инструменты – не столько управления, сколько коррекции конкретных характеристик массового сознания и – как следствие – поведения

масс – они все-таки существуют. Работают они, действительно, с разной эффективностью, но, тем не менее, они на свете есть.

С.Р. Аблеев: Как вы считаете, в состоянии мобилизации (оно пока еще не на пике) сколько может страна, народ, массовое сознание выдержать предельное напряжение – до того, как все пойдет уже в разнос?

А.Н. Курюкин: По результатам последних исследований на протяжении последних трех лет около 65% населения нашей страны сходятся в том, что они вообще не хотят иметь никакого отношения к деятельности политической власти. То есть это полный «эскейпизм», желание «убежать». Они надеются только на себя, и все вопросы решают неформальными методами.

На сегодняшний день можно констатировать одну очень важную вещь: последние реформы, начатые в 1992 г. или немного раньше, проходили тоже по мобилизационному принципу.

Если принять, что после мобилизации в Советском Союзе фактически передышки-то не было, а сразу после этого нас (страну, общество) бросили в совершенно другую систему, где пришлось мобилизовываться ради выживания – а эта мобилизация еще жестче...

С.Р. Аблеев: Это все 1990-е гг.

А.Н. Курюкин: Да, практически все 1990-е гг. Сегодня мы можем сказать, что где-то, в принципе, Советский Союз плюс 1990-е гг. – ну где-то 80 лет выдержали. Да и учитывать надо обновление поколений.

Сегодня такого периода – в 80 лет выдержки – ожидать не стоит. Я хочу вспомнить одну интересную фразу В.И. Ленина, который во время перехода от Февраля к Октябрю сформулировал позицию меньшевиков так: они взяли «курс на утомление» рабочего класса (утомление речами, утомление разными обязательствами...). Сегодня можно говорить о том, что общество утомлено. Именно поэтому 65% граждан не хотят взаимодействовать с властью, именно поэтому еще большее количество народа практически не интересуется политикой, хотя может и любит «за нее поговорить», но реально ей не интересуется. Ну, и, наконец, опять же, по последним исследованиям (даже

просто в рамках опросов), всего лишь 3-4% опрошенных дают утвердительный ответ на вопрос: «Хотите ли вы участвовать в качестве волонтеров, в качестве добровольцев в каких бы то ни было программах и проектах». 3-4%! Все.

Поэтому я сейчас не буду пророчествовать и выдвигать какие-то сроки и какие-то периоды, но то, что 80 лет это не будет – это однозначно.

В.П. Булдаков: Небольшое уточнение: Вы говорите, 70 лет в режиме мобилизации. Должен поправить: в 1920-е гг. мы имели своего рода «застойную расслабуху»! И она «успешно» спровоцировала экстримы последующего времени – несколько их этапов мы пережили. Не было и не могло быть сплошного мобилизационного процесса (упаси Боже!). Никто не выдержал бы таких 70 лет. Власть это чувствовала. Ну, я не буду долго пояснять. В предпоследней своей книге («Утопия, агрессия, власть...»), которая посвящена 1920-м гг., я все это описал на базе документов «личной» истории – «писем во власть». Кстати, по духу они изоморфны массиву дореволюционных посланий. С моей стороны, это была попытка уловить то агрегированное состояние общества, которое вылилось в сталинизм. Если угодно, это из области неизживаемого российского авторитаризма.

Теперь у меня вопрос: не кажется ли вам, что у нас и на Западе стабилизация понимается по-разному? У нас понятие «стабилизация» близко к понятию «застоя» (неподвижность, «окаменелость» если угодно). К этому мы тяготеем – так устроена система, которую наполняем мы, и которая «наполняет» нас. Что касается Запада, то там под стабилизацией понимается все же некое эволюционное движение: что-то меняется, что-то улучшается... Это неперемное условие стабильности. Не кажется ли вам, что надо проводить такую грань?

А.Н. Курюкин: Да, безусловно.

В.П. Булдаков: Тогда договорились.

П.П. Марченя: Мне кажется, на протяжении всей более или менее осмысленной истории российской государственности, в той или иной степени, народ находился в состоянии мобилизации. Смотря что под этим понимать:

если речь идет об апелляции к каким-то императивам, которые как раз и превращали Россию в то, что имеет смысл в истории, то тогда в состоянии размобилизации мы живем-то всего два-три десятилетия, а всю остальную историю – в режиме мобилизации.

Поэтому мобилизация – не всегда нагрузка, мобилизация – это опора, когда человек включен в некую целостность, когда он причастен к чему-то великому, когда его смысл согласован со смыслом государства, в котором он живет, с его местом и ролью в истории, то тогда он мобилизован властью. Вот те ценности и идеи, которые у нас сейчас частично (временно, надеюсь) утрачены – вот это и есть размобилизация.

В данном случае размобилизация является гораздо большей нагрузкой для человека и его психики и сознания, чем состояние мобилизации. А то явление, о котором вы сказали («эскейпизм» и т.д.) ... Речь ведь идет не о том, что человек не хочет быть мобилизован настоящими императивами и настоящими ценностями. Речь идет о том, что он не видит смысла в предлагаемых ему властью вариантах, потому что они не являются истинными и подлинными, а если бы были предложены верные слова, верные идеи, верные ценности, как раз адекватные ценностям массового сознания, то тогда это и было бы примером успешной мобилизации.

А.Н. Курюкин: В принципе, вы правы. Если бы было предложено все верно, то тогда – да, а вот до тех пор, пока этого нет, – то нет.

С.Ю. Разин: У меня вот такой вопрос: скажите, пожалуйста, а брежневский период Вы тоже относите к периоду мобилизации? Не кажется ли вам все-таки, что вот 1950-е – начало 1960-х гг. (неслучайно об этом сегодня сказал Сергей Георгиевич [Кара-Мурза], и многие это же чувствуют) – это был некий рубеж в развитии советского общества. Так тут все совпало: и смерть Сталина, и смена поколений, и то, что закончилась вот эта «социальная энергия Октября». Наступил какой-то новый этап. Не кажется ли вам все-таки, что весь советский период нельзя относить к мобилизационному рывку, к периоду

мобилизации? Все-таки, наверное, сложно назвать брежневский период – периодом мобилизации?

А.Н. Курюкин: Давайте начнем с того, что «мобилизация» и «рывок» – это разные понятия. В состоянии мобилизации можно находиться до тех пор, пока не исчерпается предел прочности, – а на рывке он исчерпывается быстрее всего.

Если говорить именно о брежневском периоде, как вы его специально выделили и подчеркнули, то здесь следует сказать о процессах внешних и о процессах латентных, скрытых. С внешней точки зрения, с точки зрения внешней видимости – да, действительно, особой такой мобилизации не было. Страна жила нормально, общество развивалось. А если мы возьмем латентные процессы, то, чтобы не удаляться, скажу, что наша армия воевала с американцами во Вьетнаме. На территории Советского Союза имелись воинские подразделения, которые по приказу министра обороны находились в состоянии войны с вероятным противником, теми же США и НАТО. Это было записано в приказе. Да, они не соприкасались, но они находились в состоянии войны. Потом американский спецназ воевал с нашей армией в Афганистане. И это был все тот же самый брежневский период. Один и тот же.

Действительно, я сейчас говорю о самых ярких «засветках». Если мы будем говорить много дольше, то эту картину можно расширять и расширять. Сейчас у нас нет для этого времени и, возможно, надобности. Но, тем не менее, мы скорее здесь должны говорить о том, что накал мог спадать, но полностью он не уходил никогда. К сожалению. Вот что я могу сказать.

Л.П. Лычкань: Уважаемые коллеги, хотел бы сказать несколько слов о правовом сознании – как стержне сознания общественного. Исторические вехи государства всегда воспитывали поколения людей, помогали отражать в их сознании окружающий мир, соотносить свое поведение с поведением других людей. Если человек активно принимает участие в общественной жизни, приобщается к ее культурному наследию, то только тогда он формирует и развивает свое сознание. Классический постулат о том, что «сознание с самого

начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди», подтверждает положения о том, что нельзя рассматривать сознание в отрыве от явлений общественной жизни, в том числе и массового сознания как фактора развития российского общества и фактора столкновения политических интересов масс в условиях современной действительности.

Именно политические интересы затрагивают каждого человека. Сама жизнь людей пронизана политическими интересами, которые вобрали в себя многие социальные противоречия и являются определяющими для масс и массового сознания. И, естественно, сегодня не только социально-экономическая, но и духовная жизнь человека, общества находятся в зависимости от политических интересов.

В значительной степени политическое сознание связано с правовым сознанием. Правовое сознание выступает как система знаний и оценок, посредством которых осознается сфера права общественными субъектами. Именно правовое сознание масс способствует поддержке идей, чувств, эмоций, взглядов, представлений, убеждений в отношениях между личностью и государством. Правовое сознание необходимо для поддержания правопорядка, для защиты общества и тех же масс от произвола и анархии. Если формирование политического сознания зависит от социально-экономических интересов людей (масс), то правовое сознание складывается и опирается на конкретные нравственные оценки.

Правовое сознание возникает как осознанная необходимость иметь четкие знания о праве, о его оценке многочисленными социальными группами и классами. Правовое сознание связано с правом, и эта связь объясняется общими причинами их возникновения, функционирования и последующего изменения. Сущность права в том, что оно является мерой свободы, отражает существующие общественные отношения масс и массового сознания, воздействует на их развитие, противостоит произволу и беззаконию. Для права всегда характерны такие черты как системность, нормативность, определенность, динамизм и обеспеченность государственным принуждением.

Правовое сознание – специфическая форма общественного сознания. Оно способно воздействовать на многие социальные процессы. Правовое сознание может как ускорить социальные процессы, так и затормозить их развитие. Никто не станет оспаривать положения о том, что и массовое сознание есть полигон, критерий и судья политической борьбы. Правовое сознание соединяет в себе значительную часть проявлений жизнедеятельности людей (политические, нравственные, философские, религиозные) и является интеллектуальным выражением общественной жизни каждого человека. Правовое сознание характеризует психофизическое состояние любой личности и массы людей в целом, при котором реализация правовых норм, правил поведения становится внутренней потребностью человека. И правила поведения, и правовые нормы при этом сливаются с жизненными принципами человека, становятся частью его мировоззрения.

Правовое сознание имеет исторический характер, поскольку исторически-конкретным является и само право. Многие исторические вехи и моменты жизни людей могут изменять правовое сознание, но в нем сохраняется устойчивая постоянная составляющая, которая связана с идеями общества и масс в целом и основана на конкретных правовых отношениях. Правовое сознание поддерживает эти идеи, устанавливающие отношения между классами, социальными группами, личностью, государством и массами как объектом и субъектом исторического процесса. Именно правовое сознание позволяет «улавливать дух своей эпохи».

Правовое сознание выступает своеобразным фильтром, через который пропускаются все факторы, связанные с сознанием «массовым», «общественным», «групповым», «индивидуальным». Вместе с тем, правовое сознание позволяет объективно отражать не только существующее право и его догмы, в том числе и в массовом сознании, оно еще может критически оценивать существующую и действующую юридическую систему, может выдвигать свой нравственный и правовой идеал как символ справедливости.

А.В. Чертищев: Вынесенные на заседание нашего «круглого стола» проблемы осмысления механизмов функционирования масс в социально значимых процессах, особенностей массового сознания и поведения действительно являются одними из наиболее важных и востребованных сегодняшней реальностью задач. Вместе с тем, считать массы первоосновой социального, матрицей возможностей истории будет все же преувеличением и мифологизацией их роли в истории человеческой цивилизации.

По моему мнению, термин «масса» следует понимать как соединение в рамках общности численно значимого множества индивидов, ведущее к умножению социальных и межличностных связей между ними, уравниению условий их деятельности и взаимозаменяемости в таких общностях. При этом не следует отождествлять понятия «масса» и «толпа»: обладая отдельными признаками массовизации, последняя отличается сравнительно меньшей численностью, степенью управляемости, практически коллективно-бессознательным поведением и др.

Понимая под массовым сознанием (не тождественным общественному!) сферу общественного сознания больших социальных групп, отражающую реальные отношения в обществе в соответствии с условиями их повседневной жизни, потребностями, интересами, и выражающуюся в мнении, настроении и поведении масс, считаю возможным выделить следующие его характерные особенности: конкретно-исторический характер при наличии трех модусов исторического времени (прошлого, настоящего и будущего); динамичность, изменчивость (но при этом – и определенный консерватизм); быстрая реакция на возникающие в обществе конфликты и противоречия; межгрупповой характер носителей; переплетение в идее конгломерата всех духовных образований; наличие устойчивых стереотипов; преобладание эмоционального элемента над аналитическим; упрощение причинно-следственных связей в трактовке событий и явлений; наличие определенного уровня напряженности; при этом способами регуляции массового сознания являются средства массовой

коммуникации и механизмы общественного мнения, оно специфично для каждой общности, страны, этапа развития...

Особо выделяю проблему воздействия на массовое сознание. На мой взгляд, термины «формирование», «управление», «коррекция» далеко не в полной мере раскрывают существо данных процессов, отражают преимущественно моменты «внешнего» воздействия на уже существующее сознание, некой «воспитательной дрессировки»... Более приемлемым видится термин «продуцирование» как сложный процесс критического осмысления людьми социальной действительности на основе уже имеющегося социального опыта (как отмечал еще В. Шекспир в трагедии «Король Лир», каждый сам создает свой ад).

Таким образом, вопрос о поведении масс на основе массового сознания, о побудительных мотивах такого поведения – один из трудноразрешимых. Здесь легко сбиться либо на оценку сознания и поведения как результата чьих-то направляющих действий, либо на представление о сплошной слепой стихии. И сложность решения этой проблемы возрастет многократно, если мы поставим поведение масс не только от массового сознания, но и от массового подсознания...

О.Г. Буховец: «Мы ленивы и нелюбопытны»: общеизвестно, что данное изречение А.С. Пушкина употребляется очень и очень часто. Но «мы» – это кто: все человечество, жители той или иной страны, представители какой-то определенной профессии или же самокритичные участники данного «круглого стола»? Так, что просто «мы» – это слишком абстрактно. Желательно всякий раз уточнять, кто конкретно имеется в виду, вот тогда можно будет надеяться на пробуждение именно «нашего» желания преодолеть лень и проявить любопытство. В случае с нашим «круглым столом», «мы» – это представители социально-гуманитарных наук – историки, философы, политологи, социологи, экономисты, психологи...

Всем нам хорошо известно, что крупнейшая геополитическая катастрофа второй половины XX в. – развал СССР и распад соцлагеря – породила целый

комплекс в полном смысле слова «проклятых вопросов». И ответы на них приходится давать не только новым государствам-наследникам Советского Союза, но и, разумеется, социально-гуманитарным наукам. Как с этим справляются, точнее по большей части не справляются постсоветские государства – вопрос отдельный.

А дает ли надлежащие ответы на эти вопросы наша наука? Прежде чем ответить, сделаю несколько замечаний по существу поставленной проблемы. Первое. В конце 1980-х – самом начале 1990-х гг., в условиях «Перестройки» и «гласности», советские социально-гуманитарные науки, до того долгие десятилетия пребывавшие под суровым партийно-идеологическим контролем, обретают интеллектуальную свободу. Естественное в таком случае для науки стремление к освоению наработок зарубежных коллег быстро перерастает в 1990-е гг. в простой «научный импорт»: модели понимания и интерпретации, разработанные западными учеными в основном на материале стран «третьего мира», воспринимались большинством нашего научного сообщества как вполне пригодные и для изучения процессов и явлений в постсоветском пространстве.

Голоса же скептиков, оспаривавших приписываемый этим моделям универсализм и предупреждавших об эпистемологических рисках простой экстраполяции их на бывший «второй мир», который в действительности цивилизационно-исторически во многих отношениях весьма отличается от «третьего» – тонули в хоре «не сомневающихся». Приходится, таким образом, констатировать, что ввиду вышеотмеченной специфики вхождения позднесоветского/постсоветского обществоведения в мировой научный контекст, именитые зарубежные ученые из часто цитируемых коллег очень быстро превратились для нас фактически в нормативно-методологическое референтное сообщество.

Второе. В ряде моих публикаций по историко-цивилизационным, национально-этническим и миграционным процессам я, что называется, показал «на пальцах», чем это в итоге оборачивается для нашей науки. Особенно в тех случаях, когда зарубежные коллеги, предлагающие свои модели

познания в качестве общеупотребительных, довольно туманно при этом, как это явствует из их текстов, представляют себе качественное своеобразие тех российских/советских/постсоветских явлений, адекватное описание и интерпретация которых и будет, как предполагается, обеспечена при помощи таких моделей. Но в том-то и дело, что последние, по указанной причине, малочувствительны именно к особенному и индивидуально-неповторимому в отображающем анализируемые явления эмпирическом материале. Что и предопределяет использование такового по методу, как говорится, «прокрустова ложа». Таким образом, для связки под названием «опорные теоретические модели – эмпирические данные» – фактически перестает действовать сам режим «двустороннего движения». Мне кажется куда как очевидным, что это неминуемо ведет к схематизации и выхолащиванию предметного научного знания.

Третье. Конкретных примеров в подтверждение высказанных положений у меня немало, но, учитывая формат «круглого стола», ограничусь следующим. Поскольку тема нашей дискуссии – «массы и массовое сознание», считаю целесообразным остановиться на миграционных процессах в постсоветском пространстве. Ведь миграции – весьма массовидное явление, характеризующее как поведение, так и сознание очень больших групп населения.

В момент распада СССР и в первые годы существования возникших на его основе пятнадцати независимых государств наблюдался подлинный «девятый вал» экстраординарной миграции населения из одних бывших союзных республик в другие. В нее в общей сложности были втянуты многие миллионы человек – и в моих публикациях конца 1990-х гг. я для обозначения этого массового явления предложил термин «Постсоветское великое переселение народов».

На мой взгляд, сентенция: «Мы ленивы и нелюбопытны» – отнюдь не гипербола, когда речь идет об исследовании миграционных процессов в постсоветском мире. Многолетний опыт изучения их дает достаточные основания для выдвижения ряда претензий к сложившимся уже подходам. Во-

первых, как это ни удивительно, но нередко случаи, когда имеющаяся (то есть уже опубликованная) миграционная статистика – просто-напросто игнорируется. Во-вторых, анализируется и интерпретируется последнее, как правило, в узкодисциплинарном ключе. В-третьих, при изучении миграционных процессов пока очень редко практикуется наддисциплинарный подход, без использования которого адекватное научное познание столь «турбулентной» эпохи вообще вряд ли возможно.

Обратимся к некоторым примерам. Вот, в частности, самый свежий. В связи с относительно недавним началом деятельности Евразийского экономического союза, ученые и политики в качестве одного из слабых его мест часто называют то, что совокупное население «пятерки» входящих в него стран «недотягивает» до 200 млн жителей – той условной цифры, которая, как полагают экономисты, необходима для успешного функционирования интеграционных организаций.

Но оказывается, что они при этом как бы «не видят» находящуюся на территории стран «пятерки» многомиллионную армию легальных, полулегальных и нелегальных мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья. Численность таковых только в России составляет, по оценкам специалистов, примерно 15 млн чел. Причем, с началом войны на Украине, число это значительно увеличилось, прежде всего в России и Беларуси, за счет украинских беженцев и переселенцев. Так вот, должны ли эти миллионы мигрантов учитываться при определении емкости внутреннего рынка ЕАЭС? Я считаю, что, безусловно, должны: ведь, несмотря на все проблемы административно-юридического и социокультурного статуса этих людей, они участвуют в экономической жизни стран ЕАЭС в качестве производителей и потребителей, то есть обеспечивают в этом качестве главное – существенное расширение экономического поля интеграции.

Далее остановлюсь вкратце на примерах того, насколько увеличивается выход эвристически ценной информации при переходе от узкодисциплинарного автоматизма к наддисциплинарному анализу

миграционных потоков. Так, анализируя статистику миграционных обменов Беларуси с другими бывшими союзными республиками в 1990-е гг., я, в частности, установил, что русские и украинцы в постсоветский период переселялись в большом количестве на постоянное место жительства в Беларусь, невзирая на то, что они представляют собой нетитульные для этой независимой страны национальности.

Белорусская исследовательница А.О. Бучева продолжила данную работу и довела анализ статистики до 2006 г. Она установила, что в период с 1992 по 2006 гг. на каждые 10 выбывших из Беларуси русских прибывало на постоянное место жительства 16 человек, а на каждые выбывшие 10 украинцев – прибывало 17. Как прокомментировала эти результаты Бучева, трудно не сделать вывод о том, что русские и украинцы, решившие после распада СССР переселиться в Республику Беларусь, по-прежнему воспринимают ее в качестве составной части восточнославянского «суперэтноса».

В завершение еще один пример. Мое упомянутое выше исследование приоткрыло, образно говоря, завесу еще над одной статистической тайной. Оказалось, что в 1990-е гг. поляки, проживавшие в странах Балтии, предпочли будущим евросоюзным перспективам этих стран Республику Беларусь, для которой они так же не являются титульным этносом. В указанный период поляки составляли более 12% от общего числа переселившихся из Литвы в Беларусь и более 6% – из Латвии.

Аналогичные примеры можно было бы продолжить, однако формат «круглого стола» не позволяет это сделать.

Б.Х. Алимов: Массовое сознание объективным быть не может. По определению. Поэтому задача нашего семинара видится мне не столько как попытка, дезавуировать заблуждения масс, а скорее как стремление уяснить, каким образом в представлениях людей уживаются мифы и рациональность и в каких пропорциях достигается состояние массового возбуждения.

Так получилось, что в этом году я довольно интенсивно общаюсь с коллегами из России. И, как мне кажется, наша сегодняшняя дискуссия в какой-

то степени является продолжением разговора, проходившего в конце октября, тоже в формате «круглого стола» («Первая русская революция: взгляд из XXI века»). В.П. Булдаков, как мне помнится, говорил тогда по поводу того, что воображение не должно оказывать влияние на оценку исторических событий: «не должно, но оказывает». Я же позволю себе сместить акцент с «оказывает» на «не должно».

Действительно, для взыскующего идентичности современного политического человека история – это лишь предисловие (и мы вынуждены смириться с этим). Здесь в России, где продолжается длинная историческая традиция, культивируемая в имперской России и в СССР, это не слишком заметно. Если взять Н.М. Карамзина, академиков С.Ф. Платонова, Ю.А. Полякова или, к примеру, А.Н. Сахарова, то в их трудах будет: Русь (Киевская–Владимирская–Московская), Петр, Октябрь, Великая Отечественная война, «Оттепель» и Конституция 93-го года (понятно, что для первых двух ученых последние четыре позиции не актуальны, но школьники, собирающиеся сдавать ЕГЭ, вполне могут воспользоваться – и активно пользуются – не только новейшими учебниками, но и «Историей государства Российского»). Поэтому россияне и 100 лет назад, и 50, и по сей день формируют самоидентичность в рамках единого семантического и семиотического поля.

В странах же, всерьез обретших государственность только после распада СССР (страны Балтии я бы тоже включил в их число), ситуация сложнее. Сложнее – потому что, хотя каждое поколение пишет свою историю, ныне живущие постсоветские граждане никак не могут поместить себя в координатах сегодняшнего мира. Проблема здесь на самом деле в том, что историческая ретроспектива, позволяющая объединить события в цепь причинно-следственных связей, может работать только при наличии хронологии. А горизонт профессиональной исторической перспективы не дает нам сегодня заглянуть дальше реформы Косыгина–Либермана. Короткий (по историческим меркам) шаг постсоветской истории не позволяет оглянуться назад, чтобы

понять, куда именно вывезла постсоветские страны кривая магистраль «Транзита».

Но и это еще полбеда. С.Ф. Платонов, как известно, даже в последние годы жизни и творчества, несмотря на свой опыт и профессионализм, а может как раз благодаря им, всячески уклонялся от актуальных оценок, а прогнозы делал только по принуждению НКВД. В результате дискурс русской истории плавно иссяк после Великих реформ, а истории советской, строго говоря, никогда не было. После неудачной попытки перековать по-марксистски концепт Ф.И. Миллера – С.М. Соловьева, предпринятой М.Н. Покровским, советская элита, с подачи И.В. Сталина, отмахнулась от нелепых и обременительных усилий по увязке начал и концов, предоставив своим присяжным летописцам самим решать, как выпутываться из очевидного несоответствия теории и практики. Получившийся в результате кровосмешения двух кратких курсов – «Истории ВКП (б)» и «Истории СССР» – гомункулус советской истории мог жить только в лабораторных условиях сталинской криосоциальности. Смертельным для него оказалось даже слабенькое дуновение «Оттепели», положившее конец стараниям логически соединить прошлое государства российского с марксистскими фантазиями о неизбежности коммунизма в одной – на весь земной шар – стране. Беловежская драма, в этом смысле, лишь подвела черту под бессмысленными – а напоследок совсем уж невнятными – камланиями о светлом социалистическом будущем.

Историки обрели возможность заняться своим делом. И, надо заметить, немало в этом преуспели: уже к концу «девяностых» в России в рамках длинной исторической традиции были вскрыты практически все болевые точки и, в общем, разрешены логические апории. Однако, по мере включения в поле исторических исследований Второй мировой войны и десятилетия Н.С. Хрущева, горизонт исторических исследований вновь стал затуманиваться политической дымкой. Но на сегодня – это лучший результат, поскольку в российском политическом истеблишменте считается престижным равняться на державную поступь Рюриковичей, имперскую повадку Романовых и

макиавеллистскую изощренность сталинского стиля, а массы, в лучших традициях руральных общностей, предоставляют элитам резвиться на политическом поле – при условии, что фундаментальные ценности не будут попораны, а базовые интересы будут соблюдаться.

В странах постсоветской демократии ситуация тяжелее, поскольку там ни элиты, ни массы никак не могут не только сообразить, чего они хотят, но и чего бы им такого захотеть. При этом историки, в общем, готовы удовлетворить любой социальный заказ. Но его пока нет. Я думаю, что еще лет двадцать не будет, потому что пока это геополитическое пространство будет оставаться постсоветским, создать оригинальную историческую хронологию не получится. Просто потому, что без учета советского опыта не может быть истории Таджикистана, Литвы или, скажем, Кыргызстана. А этот опыт еще не может быть оценен объективно, он даже эмоционально еще не пережит.

Д.И. Люкшин: Локализация масс как условие существования массового сознания – одна из актуальнейших тем истории прошлого века. Массовое сознание может существовать только в массе – и не является при этом суммой (или средним арифметическим) индивидуальных сознаний. Но кто же создает массы, откуда они вообще берутся? В XX в. (во всяком случае, в первой его половине) масса могла существовать только физически, то есть в одном месте надо было собрать большое количество людей. В этих условиях индивидуальное сознание подавляется, а масса становилась управляемым, хотя и не стабильным социальным телом. Для этого, собственно говоря, и нужны были партийные съезды, всесоюзные пленумы и демонстрации трудящихся. Да и сейчас «смастывать» более или менее приличную массу, которая могла бы свергать президентов или останавливать танки, без наполнения площадей толпами прямого действия, не получается.

Вот тот нехитрый рецепт, о котором говорил уважаемый Олег Анатольевич [Матвейчев]. В основе «цветных революций» (иногда их еще называют «революциями красивых девушек»), потому что основным движущим элементом должны выступать красивые девушки, раздающие солдатам цветы и

профанирующие, таким образом, брутальность противостояния) лежит тот же принцип, разве что современные электронные СМИ и мультимедиа лучше позволяют подготовить почву для создания массы.

Но вот ведь какая штука: растворение в теле массы происходит все же добровольно. Со времен Г. Лебона констатируется особенное наслаждение, которое переживает человек, утрачивающий индивидуальную самоидентичность. Диссидентское движение – яркий пример того, что принудить личность слиться с толпой невозможно, впрочем, таких «массофригидных» субъектов всегда было немного. И хотя это дело скорее психоаналитиков и психотерапевтов (возможно, эндокринологов), но историки тоже должны учитывать стремление людей сбиваться в толпы. Причем не объединяться в группы или сообщества для рациональной организации своей жизни, а напротив – растворяться для иррационального времяпрепровождения. Я вовсе не отрицаю способности людей к коллективным рациональным действиям, но полагаю, что механизмы агрегирования индивидуальных ресурсов и генезиса массы решительно различаются. С тех пор как церковь перестала практиковать массовые экзальтации, демагогия становится отраслью политики.

Особенность отечественной культурной и политической традиции, состоящая в привычке к коллективному действию и слабом навыке индивидуального духовного творчества, облегчает для большинства населения процесс входа и выхода из тела массы. Поэтому на протяжении всего прошлого века наши сограждане легко объединялись в массы, добиваясь впечатляющих результатов. И так же безболезненно рассыпались по городам и весям, удивляя наблюдателей и самих себя величиим мимолетных деяний.

При этом операциональная эффективность мобилизации дискурса массового сознания для изучения политической истории России не представляется очевидной, поскольку масса и социум представляют собой разнородные образования. И, как мне представляется, гражданская история в эвристическом плане более продуктивна, нежели социология, или

политология, да хотя бы и психопатология масс. В этом месте я снова соглашусь с Олегом Анатольевичем [Матвейчевым]: технологии, в общем, известны...

И.О. Князький: Уважаемые коллеги! Тема массового сознания – тема, конечно, увлекательнейшая. Современная эпоха, в которую мы живем, предлагает массовому сознанию невероятные ранее возможности обогащения разного рода знаниями, свободы высказывания, которая тоже беспредельна, как беспредельны Интернет с Фейсбуком. Но, с другой стороны, возможности воздействия на него таковы, что доктор Геббельс и мечтать-то не мог. Парадоксально современное состояние массового сознания.

Массовое сознание склонно меняться очень стремительно. Но вернемся на две тысячи лет. Сначала один и тот же народ кричит: «Осанна!», – а потом кричит: «Распни!». Надо сказать, что народные массы с тех пор ничуть не поумнели. Такие случаи возможны и в наши дни. В XX в. их было предостаточно.

В массовом сознании есть моменты его перманентного развития. Но есть моменты глубоко имманентные, которые существуют удивительно прочно и не подвергаются никаким внешним воздействиям. Здесь можно выделить, прежде всего, англосаксов (имея в виду не этнический момент, а именно цивилизационный) и Китай. Это две очень своеобразные цивилизации, между которыми мы находимся. Кстати, хочу напомнить, что Советский Союз погиб, соприкасаясь с обеими цивилизациями. Тогда была острейшая ситуация с обеих сторон. Сейчас у нас с одной из них – вроде бы как мир, а с другой – то ли холодная война, то ли, как сейчас говорят, гибридная война. Но нам обе цивилизации по-прежнему очень и очень интересны.

Англосаксы... У них есть глубочайшее убеждение, что весь остальной мир недоразвит – и их историческая задача состоит в том, чтобы помочь ему доразвиться до относительно нормального уровня. На чем это основано? Англия – родина демократии. Англосаксы никогда не связывали демократию с Древней Грецией или Древним Римом. Мировая демократия родилась в день,

когда была подписана королем Джоном «Великая хартия вольностей». Вот это, по их мнению, истинное начало демократии. Они создали самую успешную в мире политическую систему. В разных формах: конституционная монархия, президентская республика... Чрезвычайно успешную – не без этого, скажем откровенно. Они создали самую мощную экономическую систему тоже. Это еще большой вопрос: догонит ли Китай Америку. Количественно – может быть, да. Но надо вспомнить, что в XIX в. Китай в количественном плане превосходил Англию. Чем это кончилось? Столкновением и поражением Китая. Мы это тоже прекрасно помним.

Количественно – не значит качественно. Нравится нам или не нравится, но американская экономика – самая инновационная экономика в мире. От 30 до 40% инноваций в мировой промышленности приходят из Америки. Из Китая – 0. Так что брать в этом смысле в расчет китайский фактор совершенно ни к чему.

Исходя из этого, англосаксы искренне убеждены (это не значит, что это нам понравится, и что мы с этим согласны), что они вправе всех поучать. Россия, с их точки зрения, совершенно в эту систему не укладывается. Она, с одной стороны, как бы похожа на английскую цивилизацию (все-таки европейская цивилизация, пусть и с восточным православием, но все равно одна цивилизация), а с другой – она никак не войдет в тот контакт, который был бы им желателен. Кроме того, строптивость, которая их временами начинает пугать. А для нас это наоборот – мы, таким образом, утверждаем свою независимость, что тоже нормально и естественно.

Кстати, верно и такое определение, появившееся после Второй мировой войны, согласно которому есть две нации в человеческой цивилизации, которые не привыкли капитулировать и которые никогда не капитулируют – это русские и англосаксы. Обо что разбилась гитлеровская Германия... А за 100 с лишним лет до этого разбился Наполеон... Ни русские, ни англичане не желали капитулировать. Да, Англия была за морем, но если бы английский флот вел себя как французский флот в 1940 г., а английские летчики были бы

так же «доблестны», как французские, то Англия бы сдалась только так. Отдадим должное английским морякам и летчикам, которые выиграли битву за Англию. Ну а о нас – мы все прекрасно знаем, как вел себя наш народ и благодаря чему Гитлер свернул себе шею. Именно поэтому этот «объединяющий» фактор отнюдь даже не объединяет обе эти цивилизации, а совсем даже наоборот. Каждой хочется одно: выстоять, показать, что она самостоятельна, а другую – подвести под общий знаменатель.

Китай – это явление очень сложное. Они считают себя пятитысячелетней цивилизацией (хотя на деле там всего три тысячи лет). Ну, ладно, пусть будет пять тысяч. Важно следующее: у китайцев иной взгляд на ход истории, чем у европейцев, чем у нас. У нас взгляд линейный – от прошлого к настоящему и дальше к будущему. У китайцев же – циклический взгляд. История Китая меняется династиями. Нынешняя КПК для китайцев – это одна из династий, которые правят Китаем, получив «небесный мандат» на управление этой страной. Между этими династиями – то, что сами китайцы называют «эпохой хаоса сражающихся царств». С этой точки зрения, если взять XX в., то династия Цинь закончилась в 1911 г. Затем наступила «эпоха хаоса сражающихся царств», из которой Китай вывел Мао Цзэдун. Мао для Китая – это фигура почитаемая. Это не вариант Ленина, или Сталина, или даже их обоих вместе. Это человек, который действительно вывел Китай из этого хаоса – и создал новый Китай, новую династию.

Важно следующее: Китай ни на кого не смотрит не то что снизу вверх – за пять тысяч лет китайцы ни на кого не желают смотреть как на равных. Более чем наивно полагать, что кто-то может использовать Китай против кого-то. Китай может быть союзником только Китая. Ни с кем снизу вверх он разговаривать не будет. Вспомним историю советско-китайских отношений: пока был жив Сталин, пока КПК только пришла к власти и еще не укрепилась, Мао вынужден был признавать приоритет Москвы, но уже при Хрущеве они совершенно не желали его признавать. А когда произошел разрыв... Удивительно, что это сделал один из наиболее умных наших политиков –

А.Н. Косыгин. Ему очень наивно показалось, что противоречия между СССР и Китаем – это все: «Хрущев виноват». Вот он испортил наши добрые отношения. Тогда наша делегация во главе с Косыгиным отбыла в Пекин. Там был прием на высшем уровне и беседа Мао с Косыгиным. Делегации при этом присутствовали, что как раз печально. Мао начал рассказывать о том, как Китай героически борется с американским империализмом. А Косыгин возьми да и скажи тогда: «А мы этой борьбы не видим». Ну, во-первых, эту фразу не стоило переводить. Во-вторых, такого Китай уже простить не мог. У нас не поняли одного: дело здесь не в личностях, а дело в том, что Китай никогда никому не позволит себя учить. Никогда и никому. Он может эти свои чувства скрывать под улыбками (знаете, восточные люди замечательно умеют это скрывать), он может изображать «союзника», говорить о «дружбе» и «стратегическом партнерстве» и т.д. Китай был всегда себе на уме.

Вывод можно сделать такой, что массовое сознание меняется очень сильно. В нашей истории мы знаем такие примеры. Пожалуй, наиболее мощный пример – это начало XX в., когда все массовое сознание русского народа было замешано, скажем так, на трех китах: «Вера, Царь и Отечество». Выпал центральный элемент – «Царь» – не стало ни Веры, ни Отечества. Отсюда лютая ненависть 1920-х гг. Отсюда в 1917 г. массовое бегство с фронта. Нет этого – значит, нет этого. Появляются новые ценности, но они, как мы знаем, тоже рухнули – не будем вдаваться в подробности. А есть такое массовое сознание, которое носит имманентный характер. Поэтому, когда мы встречаемся и с англосаксами и с китайцами, то надо понимать, с кем мы имеем дело.

В.П. Булдаков: Я хочу напомнить реальную психоаналитическую байку, которая, кстати сказать, была описана в «Красной Смуте». Она касается личности И.В. Сталина. У нас гадают: «модернизатор» он или, напротив, «человек застоя»? А может и то, и другое. Но я хотел сказать о другом. Про Сталина в последнее время написано очень много – практически всех авторов я знаю, и все друг с другом не соглашаются. У нас в Институте, например, есть

два человека. Когда в Ученый совет поступает звонок с телевидения или с радио, и спрашивают специалиста, то в ответ следует: «Вам кого, сталиниста или антисталиниста?» Это кроме шуток. Я ухитряюсь со всеми поддерживать хорошие отношения: они стоят друг друга. Допустим, у отечественного историка О.В. Хлевнюка Сталин изначально злодей и только злодей. У нас его так легче понять. У американца Ст. Коткина Сталин – рационалист, который все делал продуманно – примерно так, как сегодня рассказывали. И вот эти авторы друг друга упорно не цитируют.

Но есть и другой, более интересный, на мой взгляд, автор – Ф. Помпер, который написал книгу «Интеллигенция и власть: Ленин, Троцкий, Сталин». С чисто психоаналитических позиций он разобрал психическое наполнение этих трех фигур. Например, смог объяснить происхождение самого знаменитого псевдонима «Ленин», ставшего знаковым. У нас гадают: откуда он взялся? Кто-то говорит, что «украл». С психоаналитических позиций Помпер легко это объяснил. Он пересмотрел все ленинские псевдонимы и нашел среди них, между прочим, «Ленивцева». После этого стоило обратиться к детству будущего «вождя». Оказалось, что Ленин – это поздний ребенок, отмеченный чертами малоподвижности, неуклюжести. Вся история его взросления – это процесс яростной гиперкомпенсации, в результате которой «ленивец» превратился в сверхактивное существо. И со временем, ощутив свою силу и посмеиваясь над прошлым, он и обратился к псевдониму «Ленивцев», который потом заменил на более благозвучный – «Ленин». Это выглядит очень убедительно, хотя и остается эмпирически недоказуемым.

К чему я об этом вспоминаю? В чем польза психоанализа? В том, что никто никогда иным способом происхождения этого псевдонима (и еще очень многого «загадочного») не сможет объяснить. Ленин даже Надежде Константиновне не говорил, откуда взялся этот псевдоним. Обычно он отвечал ей: «Много будешь знать, скоро состаришься». Вот такая шутка. Человек посмеялся сам над собой, над тем, что и как из него получилось, с какой

неожиданной стороны он вошел в историю – и только психоаналитик может всего это распознать.

Второе, что я хотел бы сказать, – это реплика по поводу Олега Анатольевича [Матвейчева], насчет «управляемого хаоса». Понимаете, вот он считает, что американцы взяли да и замутили на Ближнем Востоке всю эту нынешнюю бодягу. Но все гораздо проще, намного проще. Исламский фундаментализм не мог не пробудиться, потому что Запад достал его своим вызовом, своими нетрадиционными ориентациями – в общем, всеми своими культурными мутациями. И это вовсе не случайно: всякая культура защищается от «мягкой» агрессии извне. Между прочим, было время, когда в исламе доминировал, условно говоря, джадидизм – форма цивилизационно догоняющего развития. Теперь наоборот. И неслучайно наши девушки (даже этнические русские) бегут туда. Дело вовсе не в соответствующем зомбировании слабых душ, о чем нам не устают твердить с телеэкрана. Наше телевидение просто выводит их из себя. Им психологически некуда деться! Это, к сожалению, всеобщий процесс. И, если кто-то этим «управляет», то он ведет самоубийственную игру.

Сегодня, как сто и более лет назад, мы говорим *только* об общественном *сознании*. Мне кажется, что нужно думать об общественном *подсознании*, о «загадочной» силе традиционализма. Сегодня уже вспоминали о Китае, его четырех или пяти тысячелетиях (они сами не могут сосчитать) истории. Это действительно так. В данном случае они не сознанием руководствуются. Я с китайцами общался не раз. Обычно это нелегко, несмотря на их внешнюю «открытость» и «простодушную незатейливость». Создается впечатление, что они бессознательно руководствуются каким-то глубинным инстинктом. Возможно, им нелегко самим вести научное общение с европейцами. Поэтому они где-то прикидываются, вытягивая таким способом из тебя что-то нужное для них. Поэтому и стоит в эпоху глобализации особенно основательно заниматься общественным подсознанием, учитывая, что оно периодически «выпрыгивает» на поверхность – к недоумению и страху современников. А мы

все еще тешим себя иллюзией, что чем-то «управляем». Такие иллюзии обходятся очень дорого.

На эту тему можно говорить бесконечно, но я не могу пересказать ни «Красную Смуту...», ни «Хаос и этнос...», ни «Утопию, агрессию, власть...», ни последнюю книгу о Первой мировой войне, написанной вместе с женой («Война, породившая революцию...»). Напомню только, что Первая мировая война возникла не только из-за экономического или геополитического конфликта империалистических держав. Эндогенные силы внутренней деструкции накапливались на европейском континенте на протяжении нескольких десятков лет. Взорвалась Европа, взорвалась по-своему отреагировавшая на мировой кризис Россия. Несомненно, у России были свои глубинные внутренние основания для революционного взрыва – это подсказывает опыт 1905 г. Так или иначе, срезонировали кризисные ритмы европейской и русской истории. В результате мы получили весь XX в. таким, каким никто не ожидал. Сказалась близорукость «прогрессистского» позитивистского мышления. Тем более удивительно сталкиваться с еще более наивными «манипуляторскими» его рецидивами. Никогда не вредно думать не только о сознании, но и о подсознании. Нельзя забывать, что всякий образ мысли историчен, а потому он, без психоаналитической самоиронии, рискует остаться «запоздалым». Особенно в тех случаях, когда строит политтехнологические генерализации и футурологические прогнозы.

В.В. Бабашкин: То, что сказал сегодня О.А. Матвейчев, только укрепляет меня в давнем убеждении: политическая система, имитирующая парламентаризм западного образца с его многопартийностью, системной оппозицией и т.п., России совершенно ни к чему. Если в рамках избирательного законодательства возможны такие отвратительные манипуляции, то что-то не так с нашей избирательной системой. В странах Запада, кстати, такие вещи практикуются почти открыто и никакого особого отвращения у общественности не вызывают. Вложил деньги в свои выборы – получи мандат или государственную должность. Не получил, значит мало или как-то не так

вложил. Все по-честному, рынок. Как гласит известная аристотелева максима, покупающий власть за деньги привыкает и потом извлекать из нее прибыль. Однако на отечественной почве все это приобретает очень уж отталкивающие формы. Почему это до сих пор существует? Один из возможных ответов: по Конституции РФ 1993 г., как сейчас любят говорить, «в правовом поле». А ведь это та самая конституция, которая нам все эти годы запрещает иметь национальную идеологию. Но национальная идеология у нас уже появилась: «Крым – наш». И она имеет отчетливую тенденцию к развитию именно в том направлении, в каком такая идеология и должна развиваться: сплочение общества, воздействие на общественное сознание.

Отсюда вытекает совершенно крамольный вопрос: нужна ли нам такая конституция, и не пора ли ее поменять? Отметим, что внесение в текст ее всего лишь одного слова «подряд» после слов «два срока», весьма существенно изменило расклад сил в российской политике к огромному раздражению поборников либерально-демократических ценностей как внутри страны, так и за ее пределами. В результате современная российская «демократия» стала быстро эволюционировать в направлении существенно иной политической системы. Уверен, что это будет более органичная система власти для нашей страны, ее истории, нежели «семибанкирщина» конца 90-х и даже благодушный парламентаризм «тучных» нулевых. Помнится, на одном телевизионном политическом шоу в декабре 2013 г., посвященном 25-летию действующей Конституции РФ, один из участников напомнил замечательную шутку: армянскому радио задают вопрос, в чем сходство и в чем разница между русскими и англичанами; оно отвечает, что те и другие живут по неписаной конституции, но разница в том, что у русских еще и писаная есть.

Спрашивается: зачем тогда принимали ее такую? Вразумительный ответ потребовал бы анализировать очень много причин и факторов в их диалектическом переплетении. Здесь хочу коснуться лишь одного аспекта этой проблемы, который имеет прямое отношение к теме разговора. Психологический портрет большинства соотечественников нельзя писать, не

принимая в расчет так называемую страдную психологию. Поколениями и веками мы впитывали на генном уровне, что есть две страды: посевная и уборочная, и между ними еще не такая напряженная сенокосная, когда нужно отдавать все силы, чертоломить на пределе человеческих возможностей, иначе не выжить. Вся остальная повседневная жизнь, регламентированная соответствующими рутинными обязанностями, обычаями, праздниками и т.д. — суть восстановление сил и подготовка к новой страде. С этим ментальным свойством людей, населяющих сегодня российские регионы, тесно связана мифологичность сознания, проще говоря, вера в чудо. Причем это не американская мечта украсть миллион и жить где-нибудь на отшибе до конца дней припеваючи. Это скорее вера, что можно путем мощного мобилизационного рывка, этакой страды в масштабах страны, построить такое общество, где все будут жить по совести и по справедливости.

Сегодня коллеги много говорили о мобилизационном процессе, полемизировали о том, сколько лет кряду он длится в нашей истории. Но этот процесс имеет свою внутреннюю структуру, свои закономерности. По-моему, анализируя их, необходимо учитывать такие мощные исторические факторы, как энергия ожидания масс и энергия их же разочарования — неизменно связанная не столько с апатией, сколько с новым ожиданием. Схематично конкретизирую эту мысль несколькими историческими примерами.

В начале прошлого века огромное большинство населения нашей страны, которое составляли общинные крестьяне, разочарованное ходом и результатами аграрного реформирования пореформенного сорокалетия, втянулось в мощный мобилизационный процесс. Его суть составляла крестьянская попытка радикально решить аграрный вопрос собственными силами. По решениям сельских сходов люди самочинно распахивали земли, юридически им не принадлежавшие. Это был решительный выход за рамки «правового поля». И этот мобилизационный рывок потребовал приблизительно 20 лет: 1902–1922 гг. В декабре 1922 г. Советская власть легализовала результаты самозахвата сельскими обществами сельскохозяйственных земель,

приняв Земельный кодекс РСФСР. И наступила – здесь я вполне согласен с В.П. Булдаковым – своего рода «расслабуха».

С одной стороны, страдная психология властно диктовала: совершенно необходимо хорошенько отдохнуть после жуткого напряжения сил в борьбе со всевозможными внешними по отношению к деревне властями – царской, «демократической», Советской. А то вдруг новая страда? (Отметим, что так оно и получилось в 1930–1940-е гг.). С другой стороны, начало 20-х гг. содержало много такого, что не могло не подпитывать крестьянскую веру в чудо. Землю дали, помещиков и попов прогнали, налоговые отношения с новой властью вроде выстраиваются по уму, кулака-миroeда налогом давят, грамоте обучают... Так может и правда наступает то общество справедливости, которое веками существовало в крестьянских ожиданиях, мифологии, фольклоре? Отсюда, наверное, огромное количество предложений и проектов в письмах во власть, в «Крестьянскую газету», как нам обустроить Россию.

Но, как говорится, «хотели, как лучше – а получилось, как всегда». Этот гениальный афоризм В.С. Черномырдина запечатлел цикличность российского исторического процесса, по-видимому, как-то генетически связанную с цикличностью сельскохозяйственного года. Новая страда действительно пришла, это был беспрецедентный мобилизационный рывок индустриализации и коллективизации. И хотя сейчас многие у нас и особенно на Западе пишут в этой связи о трагедии советской деревни, о геноциде сталинского политбюро против собственного народа, есть основания полагать, что деревенские люди были ко всему этому внутренне готовы и сумели приспособиться, встроиться в новые исторические обстоятельства. А потом «расслабуха» хрущевского аграрного реформирования – и тоже вполне в духе крестьянских ожиданий.

Я не знаю, как в эту логику вписываются косыгинские реформы и брежневский застой, специально этим не занимался. Возможно, тут как-то повлияло «раскрестьянивание», миграционный поток из села в город, появление слишком большого количества элементов цивилизации потребления там, где буквально только что была классическая цивилизация выживания. Но,

возвращаясь к вопросу о том, зачем в 1993 г. приняли *такую* конституцию, выскажу следующее соображение. К декабрю 1993 г. мы уже выживали в прямом смысле этого слова. И на уровне общественного сознания весьма скоро вернулась вера в чудо. М.С. Горбачев с его «Перестройкой» окончательно дискредитировал в этом качестве догматы научного коммунизма, и общественное сознание было открыто и подготовлено для пропаганды антикоммунизма. Кстати, одним из старших козырей в этой пропаганде было безумное утверждение о том, что колхозники, составляющие 35% населения СССР, обеспечивают лишь пустые прилавки продовольственных магазинов, в то время как американские фермеры (3-4% населения страны) кормят «от пуза» все США и половину остального мира. На уровне общественного мнения возникла простая мысль: нужно сделать все – и экономику, и парламентаризм – по образу и подобию заокеанских «друзей и партнеров» и обязательно закрепить все это конституционно. Сегодня, когда все это с треском провалилось, похоже, новый мобилизационный рывок /страда неизбежен.

П.П. Марченя: Хорошо, что сегодня состоялось выступление Олега Анатольевича [Матвейчева]. Если бы его не было, то его надо было придумать. Потому что вот этот вот его тезис о якобы всесииии политехнологий над массами сплотил всех остальных участников «стола» – и сделал его более осмысленным. Если Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю», то политехнологии говорят: «Дайте нам пять миллиардов, и мы перевернем историю». Хорошо, что у Архимеда не было точки опоры, – и плохо, что вот у некоторых есть эти миллиарды.

А если серьезно, то хотелось бы закончить тем, с чего, собственно говоря, начинали: именно в действительном понимании масс и массового сознания и в восстановлении единой идеологической и психологической связи власти с массами, в общем-то, и есть залог преодоления того кризиса, в котором мы сейчас все находимся. Поэтому эта тема сверхприоритетная, сверхактуальная.

Спасибо всем кто участвовал, спасибо этому вузу, спасибо проректору С.Ю. Разину.

С.Ю. Разин: Спасибо нашим гостям за участие в дискуссии и спасибо всем, кто принимал участие в организации этого мероприятия. На этом наш «круглый стол» объявляется закрытым.

Массовое сознание как фактор развития российского общества / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. – М.: Соционет, 2016. – 73 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://users4496447.socionet.ru/files/ms.pdf>